

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ЕГО ДРУЗЬЯ.

За 25 лѣтъ (1886—1910).

Воспоминанія Ю. О. Якубовскаго.

I.

Это было въ 1886 году. Я жилъ тогда въ нашей сѣверной столицѣ, служилъ въ одномъ казенномъ учрежденіи, гдѣ царствуютъ цифра и рубль, гдѣ приходилось работать съ 10 часовъ утра до 12 часовъ ночи. Всецѣло поглощенный интересами службы, цифрами, балансами, я забывалъ даже, что жилъ въ столицѣ, а не въ этомъ мрачномъ екатерининскомъ зданіи, больше похожемъ на казематъ, чѣмъ на финансовое учрежденіе, забывалъ о всякой умственной жизни, о какихъ-либо теченіяхъ, направленіяхъ въ литературномъ мірѣ,—я зналъ одно—физическую и душевную усталость.

Вотъ какъ-то разъ, когда я былъ въ такомъ угнетенномъ настроеніи, ко мнѣ подошелъ скромный, кроткій съ виду, маленькій чиновникъ, работавшій за сосѣдней конторкой. Мы разговорились. Отъ него я узналъ, что онъ посѣщаетъ кружокъ, гдѣ раза два въ недѣлю собираются разнаго положенія люди, читаютъ произведенія Льва Толстого, чаще всего въ рукописи, еще до появленія ихъ въ печати. Кромѣ того, днемъ туда приходятъ изучать какое-либо ремесло, сапожное, столярное и переплетное.

Меня страшно потянуло въ этотъ кружокъ людей, гдѣ такъ чтилось имя великаго писателя и гдѣ такое серьезное значеніе придавалось физическому труду. Въ ближайшее воскресенье мой сослуживецъ повелъ меня туда, на Конюшенную, гдѣ происходили эти собранія. Въ дверяхъ насъ встрѣтилъ свѣтлорусый юноша, съ большими добрыми глазами, въ очкахъ, одѣтый въ сѣрую суконную блузу. На видъ ему было не больше 22 лѣтъ.

Онъ назвалъ себя Иваномъ Ивановичемъ Горбуновымъ, братски, нѣжно обнялъ меня и пригласилъ ходить почаще. Такая теплая непривычная встрѣча и та удивительная духовная атмосфера, въ которую я съ этого момента окунулъ, ввели меня въ совершенно новый, незнакомый міръ и навсегда съ нимъ связали. Молодой человѣкъ, встрѣтившій меня, былъ юный поэтъ-писатель, извѣстный послѣ въ литературѣ подъ именемъ Горбунова-Посадова.

Было 7 часовъ вечера. Собрались уже многіе. Иванъ Ивановичъ Горбуновъ познакомилъ меня со всѣми посѣтителами. Здѣсь я встрѣтилъ многихъ, ставшихъ затѣмъ для меня навсегда дорогими и близкими.

Все это были или учащаяся молодежь обоего пола, студенты и курсистки, или молодые начинающіе писатели, или имена, уже извѣстныя въ литературѣ. Вотъ молодой человекъ съ большой русой бородой и широкой привѣтливой улыбкой, это—Александръ Модестовичъ Хирьяковъ. Вотъ въ потертомъ пиджакѣ, поверхъ косоворотки, какъ одѣваются фабричные рабочіе—народный писатель и самъ изъ народа—Савихинъ. Вотъ удалился въ сторону молчаливый, замкнутый морской офицеръ; онъ говорилъ рѣдко, но привлекалъ общее вниманіе необыкновенной логичностью своихъ взглядовъ, это—М. О. Меншиковъ. Вотъ красивый темно-русый мужчина съ узкой бородкой, это—Н. А. Рубакинъ, столько поработавшій послѣ въ дѣлѣ улучшения народной литературы и немало послужившій въ послѣдствіи этому великому дѣлу своими талантливыми научными популяризаціями. А вотъ крупная и типичнѣйшая въ прошломъ вѣкѣ фигура Н. С. Лѣскова, тогда только что, уже въ преклонные годы, снова вернушаго къ себѣ вниманіе и симпатіи русскаго читающаго міра.

Всѣхъ этихъ славныхъ добрыхъ людей спланивало воедино имя Льва Николаевича и тотъ великій принципъ христіанской любви, который яркими лучами пролить былъ Яснополянскимъ писателемъ.

Кромѣ того, почти всѣ оии имѣли какое либо отношеніе и причастіе къ народной литературѣ.

II.

Душой всѣхъ этихъ братскихъ бесѣдъ былъ редакторъ „Посредника“, П. И. Бирюковъ, молодой человекъ, только что окончившій морскую академію и бросившій блестящую карьеру для того, чтобы посвятить себя всецѣло издательству народныхъ книгъ, творцомъ и вдохновителемъ котораго былъ Л. Н. Толстой.

Во главѣ издательства стоялъ тогда В. Г. Чертковъ, проживавшій преимущественно въ деревнѣ и только изрѣдка пріѣзжавшій по дѣламъ въ столицу.

Исторія развитія дѣятельности „Посредника“ составляетъ для меня давно облюбованную тему, къ которой я непременно вернусь еще когда-нибудь. А теперь я хотѣлъ бы только коснуться начала той крѣпкой связи, которая, какъ я уже сказалъ, навсегда прикрѣпила меня къ великому русскому имени.

Многія изъ этихъ лицъ часто посѣщали Льва Николаевича въ Москвѣ или въ Ясной Полянѣ, часто съ нимъ переписывались; почти всегда кто-нибудь изъ нихъ гостилъ въ семьѣ Толстого и присылалъ оттуда письма, такъ что

между „Посредникомъ“ и Львомъ Николаевичемъ установилось постоянное непрерывающееся общеніе. Всегда оттуда приходили свѣжія вѣсти, каждое маленькое событіе частнаго или общественнаго характера, сколько-нибудь относившееся къ Льву Николаевичу, быстро передавалось сюда. Здѣсь извѣстны были и часто читались письма Льва Николаевича къ разнымъ лицамъ, здѣсь знали о малѣйшемъ событіи въ Ясной Полянѣ или въ Долго-Хамовническомъ переулкѣ.

Съ каждымъ посѣщеніемъ мнѣ приходилось все больше и больше входить въ этотъ очаровательный міръ совершенно для меня новыхъ идей и поступковъ; съ каждымъ днемъ меня все больше и больше скрѣпляли съ этимъ міромъ духовныя, просвѣтляющія и обновляющія узы. Міръ этотъ сталъ для меня насущной потребностью, той новой стихіей, безъ которой невозможна духовная жизнь человѣка.

Къ концу 80-хъ годовъ редація „Посредника“ была переведена въ деревню Воронежской губерніи, гдѣ жилъ В. Г. Чертковъ. Туда переселились нѣкоторые сотрудники, въ томъ числѣ и Ив. Ив. Горбуновъ, а книжный складъ былъ переведенъ въ Москву и поступилъ въ завѣдываніе М. Е. Конусова.

Такимъ образомъ, весь кружокъ почти разъѣхался изъ Петербурга. Къ тому же времени состоялся и мой переводъ на далекую окраину, въ древнюю столицу Тамерлана.

Слушая рассказы о Ясно-Полянской жизни, о личности великаго писателя, о его простотѣ и доступности, почти каждый изъ насъ въ душѣ мечталъ побывать когда-нибудь въ Ясной Полянѣ. А тутъ точно сама судьба устроила мнѣ такую легкую возможность побывать у Л. Н-ча. Стоитъ только по пути въ Среднюю Азію изъ Москвы свернуть немного въ сторону и потерять день-два времени. Я списался заблаговременно съ моими друзьями, которые лично предупредили Льва Николаевича о моемъ посѣщеніи, и такимъ образомъ съ этой стороны вопросъ былъ рѣшенъ въ самомъ благопріятномъ для меня смыслѣ.

III.

Это было въ памятные для Россіи девяностые годы, когда уже объявились первые грозные признаки наступающей голодовки, — всеобщая засуха, охватившая широкою полосой всю среднюю и юго-восточную Россію.

Въ началѣ второй половины іюля я выѣхалъ съ семьею изъ Петербурга. Двѣнадцать часовъ ѣзды до Москвы. Нѣсколько часовъ остановки въ Москвѣ, гдѣ необходимо было взять справки о дальнѣйшей поѣздкѣ и выработать маршрутъ.

На другое утро мы уже въ Тулѣ. Старшая наша дѣвочка Оля, которой было тогда 8 лѣтъ, вызвалась меня сопровождать. Изъ Тулы до ст. Козловка-Засѣка мы проѣхали въ почтовомъ поѣздѣ и прибыли на станцію въ 9 час. утра.

Было чудное іюльское утро, съ первыми признаками осенней желтизны на деревьяхъ. Оставшіяся 3—4 версты

до Ясной Поляны мы съ Олей рѣшили пройти пѣшкомъ. Это была чудная прогулка. Оля, выросшая въ городѣ, окруженная каменными стѣнами петербургскихъ домовъ-колодцевъ, не выдавая ни лѣса, ни пашни, была по-дѣтски восхищена каждымъ кустикомъ, каждой травкой.

Намъ пришлось итти по большой дорогѣ, по бокамъ которой тянулся лѣсъ до самой Ясной Поляны. Часто открывались большія вспаханныя поляны, холмами поднимавшіяся къ дальнему лѣсу, обрамленныя красивой рамкой лѣсной зелени, точь въ точь какъ на картинѣ Рѣпина „Пахарь“.

Незамѣтно, собирая по дорогѣ лѣсные орѣхи, къ 11-ти часамъ добрались мы до Ясной Поляны. Опросивъ встрѣчныхъ крестьянъ, мы пробрались, миновавъ деревню, къ графской усадьбѣ и подошли къ сторожкѣ, построенной у входа въ паркъ, и между двухъ сторожевыхъ башенокъ вошли въ широкую аллею парка изъ красивыхъ развѣсистыхъ березъ. На взгорьѣ, въ концѣ аллеи, обрисовалась усадьба Толстыхъ—каменный въ два этажа домъ.

Мы робко подошли къ дому. Въ палисадникѣ намъ повстрѣчалась молодая стройная 17-лѣтняя барышня, въ которой я сразу узналъ среднюю дочь Льва Николаевича—Марію Львовну. Она встрѣтила насъ ласковымъ привѣтливымъ вопросомъ, и когда я назвалъ свою фамилію, сказалъ куда и откуда ѣду и подаль ей фотографическую карточку, на которой былъ изображенъ нашъ общій знакомый и другъ П. И. Бирюковъ, въ простомъ рабочемъ костюмѣ и въ лаптяхъ, сидящимъ на барьерѣ мостика, она насъ повела къ себѣ, какъ старыхъ знакомыхъ.

Дѣвочку мою Марія Львовна увела съ собой, а меня проводила къ Льву Николаевичу. Я вошелъ въ хорошо знакомую мнѣ, по картинѣ И. Е. Рѣпина „Кабинетъ Л. Н. Толстого“, рабочую комнату. Все здѣсь точно какъ на картинѣ Рѣпина: небольшая сводчатая комната, два окна выходятъ въ садъ. У одного изъ нихъ небольшой письменный столъ безъ всякихъ украшеній. На столѣ стоитъ простой письменный приборъ и нѣсколько книгъ, изъ которыхъ самая большая—библія. Въ одномъ углу стоитъ коса, рядомъ съ ней на стѣнѣ виситъ столярная пила, а на вѣшалкѣ—верхнее платье. Марія Львовна ввела меня въ эту комнату и подвела къ Льву Николаевичу, который въ это время лежалъ на кожаномъ диванѣ. На лицѣ его замѣтна была физическая усталость, а блѣдныя безкровныя губы свидѣтельствовали о тяжелой болѣзни, которую пережилъ въ это лѣто Левъ Николаевичъ. Марія Львовна назвала мою фамилію и показала карточку П. И. Бирюкова. Левъ Николаевичъ поднялся съ постели и протянулъ мнѣ руку: „А, Якубовскій? Мнѣ говорилъ про васъ Ив. Ив.“—Я до того былъ пораженъ выраженіемъ лица Льва Николаевича, что первый невольно заданный мною вопросъ былъ: „Что, Л. Н., вы больны?“ — Левъ Николаевичъ отвѣтилъ, что болѣзнь уже проходитъ, что онъ сейчасъ сдѣлалъ

большую прогулку на пчельникъ, гдѣ пьеть по утрамъ кумысъ, и очень усталъ, но теперь уже совсѣмъ поправляется послѣ довольно тяжелой болѣзни.

Десять минутъ бесѣды, и вся робость моя прошла безслѣдно. Здѣсь сказалось то необъяснимое обаяніе великихъ людей, въ силу котораго уже послѣ первыхъ фразъ исчезаетъ безконечное разстояніе, отдѣляющее гениевъ человѣчества отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Нѣчто подобное случилось и со мной. Я сразу почувствовалъ необыкновенную близость къ этому человѣку, забылъ о нескладности своихъ фразъ.

Разспросивъ про П. И. Бирюкова и И. И. Горбунова, Левъ Николаевичъ перевелъ свои разспросы на тотъ не-пріятный инцидентъ, который недавно произошелъ со мной въ Петербургѣ—исторію съ „Крейцеровой сонатой“.

IV.

Читатели помнятъ, какую сенсацію, какой шумъ въ литературѣ и жизни произвело появленіе этого безпримѣрнаго въ литературѣ произведенія. Я сейчасъ живо вспомнилъ, при какихъ обстоятельствахъ было прочитано въ Петербургѣ въ редакціи „Посредника“ это произведеніе. Въ одинъ изъ ветверговъ мы, по обыкновенію, собрались на Лиговкѣ, гдѣ чѣ 1887—89 г.г. помѣщалась редакція „Посредника“. Въ этотъ день народу собралось особенно много, такъ какъ на предыдущемъ собраніи, въ воскресенье, было объявлено, что будетъ прочитано послѣднее произведеніе Льва Николаевича, „Крейцера соната“, слухъ о которой уже дошелъ до Петербурга, и передавались нѣкоторыя подробности этого разсказа. Не помню ни одного такого многоядного собранія, какъ въ этотъ четвергъ. Поздно ночью кончилось чтеніе; разсказъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Далеко за полночь велись оживленные споры по поводу прочитаннаго. Нѣсколько человѣкъ, раздѣливъ рукопись по частямъ, къ утру воспроизвели полный списокъ, такъ какъ экземпляръ, по которому читали, нужно было возвратитъ родственникамъ Толстыхъ, К—мъ, у которыхъ наканунѣ нашего собранія, въ среду, въ тѣсномъ кругу близкихъ знакомыхъ „Крейцера соната“ была прочитана вслухъ сенаторомъ А. О. Кони. Такимъ образомъ, помимо воли автора, уже на третій день рукопись „Крейцеровой сонаты“, въ первой версіи, получила распространеніе въ Петербургѣ. Къ воскресенью уже было готово 300 литографированныхъ списковъ, которые моментально облетѣли весь читающій Петербургъ. Но это оказалось каплей въ морѣ; во многихъ домахъ списки гектографировались на домашнихъ гектографахъ и получали немедленно распространеніе. Въ книжныхъ магазинахъ и у букинистовъ такіе списки цѣнились по 10—15 рублей.

Въ скоромъ времени пришло извѣстіе изъ Москвы, что Левъ Николаевичъ недоволенъ первой версіей „Крейцеровой

сонаты“, что въ новой редакціи онъ многое опустилъ и многое добавилъ. Въ нашемъ кружкѣ съ нетерпѣніемъ ожидали новой рукописи. Наконецъ ее получилъ В. Г. Чертковъ. Онъ въ эту зиму поселился въ Петербургѣ на Выборгской сторонѣ, въ извѣстномъ Пашковскомъ домѣ, гдѣ помѣщался рядъ благотворительныхъ учреждений: столовая, дѣтскій пріютъ и др. вмѣсто „Посредника“, насъ пригласили собраться въ квартирѣ Чертковыхъ, и такъ какъ небольшая ихъ квартира не могла вмѣстить всѣхъ, то гостей, собравшихся въ количествѣ свыше 50 человѣкъ, пригласили внизъ, въ свободную столовую пашковского дѣтскаго пріюта. Въ этой своеобразной импровизированной аудиторіи пришлось взрослымъ сидѣть за дѣтскимъ столомъ, на дѣтскихъ крошечныхъ стульяхъ.

Послушать „Крейцерову сонату“ въ новой версіи собралось много литераторовъ: Н. С. Лѣсковъ, Эртель, Леонтьевъ (Щегловъ), Л. Е. Оболенскій, Савихинъ, П. А. Гайдебуровъ, Н. А. Рубакинъ, А. М. Хирьяковъ, М. О. Меншиковъ и др. Читаль прекрасный чтець Н. И. Горбуновъ, братъ Ив. Ив—ча. Необыкновенно задушевный голосъ чтеца и могучіе образы художника произвели потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ слушателей. Время отъ времени вставлялъ свои замѣчанія Н. Л. Лѣсковъ, необыкновенно высоко цѣнившій это произведеніе. Далеко за полночь слушали Сонату, подкрѣпившись только стаканомъ чаю. Не знаю другого произведенія, производившаго въ чтеніи такое сильное впечатлѣніе. Помню, на обратномъ пути мы возвращались черезъ Литейный мостъ; въ нашей группѣ были П. И. Бирюковъ, братья Горбуновы и Савихинъ. Всѣ мы находились подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ необыкновенно яркихъ образовъ, нарисованныхъ искренней исповѣдью Позднышева. Кто-то въ группѣ называлъ произведеніе пророческимъ словомъ.

Собраніе это происходило въ концѣ зимы. Въ обществѣ и въ печати только и говорили, что о „Крейцеровой сонатѣ“. Но о появленіи ея въ печати не могло быть и рѣчи. Несмотря на то, что покойный Государь высоко цѣнилъ талантъ великаго русскаго писателя и знакомъ былъ со всѣми его художественными произведеніями, а „Крейцерову сонату“ цѣнилъ особенно высоко, тѣмъ не менѣе оберъ-прокуроръ Св. Синода составилъ невыгодное мнѣніе объ этомъ произведеніи и не призналъ возможнымъ появленіе его въ печати. Вѣсть о произведеніи и необыкновенно сильномъ впечатлѣніи, имъ производимомъ, при посредствѣ столичной печати быстро разнеслась по всей Россіи. Спросъ на него возрасталъ съ каждымъ днемъ. Писанныхъ экземпляровъ не хватало для столицы, и потому число гектографированныхъ оттисковъ все возрастало.

Незадолго до отъѣзда въ Среднюю Азію въ одномъ домѣ мнѣ пришлось познакомиться съ молодымъ человѣкомъ, сыномъ крупнаго желѣзнодорожнаго чиновника, только что окончившимъ учебное заведеніе и отправлявшимся за-

5 минутъ я былъ приглашенъ въ кабинетъ полковника. Онъ самъ досталъ изъ шкафа всѣ мои книги, пересчиталъ ихъ и сличивъ со спискомъ, съ любезной улыбкой вернулъ ихъ мнѣ, сказавъ, что возвращаетъ книги по распоряженію генерала. Съ невыразимой радостью я схватилъ подъ мышку эту дорогую для меня ношу и побѣжалъ домой.

V.

Исторію эту я вкратцѣ передалъ Льву Николаевичу. Л. Н. рассказалъ еще какой-то подходящий случай, сейчасъ не вспомню, и сталъ спрашивать про мою семью и поѣздку. Зашла рѣчь о Закаспійской дорогѣ. Л. Н. передалъ мнѣ о тѣхъ подвигахъ труда, которые совершилъ русскій рабочій при постройкѣ этой безпримѣрной въ исторіи желѣзнодорожнаго строительства дороги. Многія подробности этого дѣла были хорошо извѣстны Льву Николаевичу отъ его родственницы старушки Анненковой, близкой родственницы генерала Анненкова.

Затѣмъ Л. Н. заговорилъ о литературѣ. Судя по моей фамилии, онъ предположилъ во мнѣ поляка. Я отвѣтилъ Льву Николаевичу, что по происхожденію я не полякъ, но выросъ среди поляковъ, достаточно владѣю польскимъ языкомъ и очень интересуюсь отношеніемъ поляковъ и ихъ литературы къ послѣднему направленію Л. Н. Толстого. На это онъ мнѣ сказалъ, что въ молодости, будучи за границей, онъ познакомился съ извѣстнымъ историкомъ и публицистомъ Лелевелемъ, что изъ современныхъ польскихъ писателей онъ больше всего цѣнилъ Генриха Сенкевича, послѣдній романъ котораго, „Безъ догмата“, онъ съ большимъ интересомъ читалъ сейчасъ въ „Русской Мысли“. Элизу Оржешко Левъ Николаевичъ ставитъ значительно ниже, считая ее чрезчуръ сантиментальной. На вопросъ мой, не знаетъ ли онъ въ польской литературѣ писателей, сродныхъ ему по духу, Л. Н. указалъ мнѣ на графа Юрія Мошинскаго, писавшаго о нравственномъ возрожденіи. Послѣ я познакомился со взглядами этого писателя по прекрасной статьѣ М. Урсина: „Религіозно-политическіе идеалы польскаго общества“, печатавшейся въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“.

Затѣмъ Левъ Николаевичъ предложилъ мнѣ прочесть въ корректурѣ свой послѣдній трудъ „Для чего люди одурманиваются?“, предназначенный для печатанія въ „Русской Мысли“, а самъ удалился о чемъ-то хлопотать. Крайне усталый съ дороги, я все-таки съ захватывающимъ интересомъ пробѣжалъ статью. Не прошло и часа, какъ Левъ Николаевичъ вернулся, а меня въ это время позвали въ садъ, гдѣ въ тѣни, за большимъ столомъ, собрались нѣкоторые члены семьи Льва Николаевича.

Послѣ завтрака Левъ Николаевичъ предложилъ прогуляться по саду. Пошли всѣ—взрослые и дѣти. Оля положила

въ платокъ яблокъ, Левъ Николаевичъ замѣтилъ, что эта ноша стѣсняетъ ее, взялъ у нея платокъ и подвѣсилъ къ первому попавшемуся фруктовому дереву. На обратномъ пути мы проходили другой тропинкой, и Оля забыла платокъ на деревѣ. Послѣ прогулки насъ пригласили наверхъ, въ столовую, обѣдать.

Графиня сидѣла въ одномъ концѣ стола, по близости ея сидѣли дочери Марія Львовна, Татьяна Львовна и учащаяся молодежь въ студенческихъ мундирахъ. Это были сыновья Льва Николаевича, именъ которыхъ я тогда не слышалъ. Льву Николаевичу и дочерямъ подали отдѣльно блюда, приготовленныя изъ растительной пищи. Зная, что я бросилъ курить и не употребляю спиртныхъ напитковъ, Левъ Николаевичъ спросилъ меня насчетъ пищи. Я ему отвѣтилъ, что я очень сочувствую вегетаріанскому режиму, но не настаиваю дома, боясь затруднить жену приготовленіемъ двухъ обѣдовъ, а жена моя не раздѣляетъ моихъ взглядовъ на вегетаріанство. На это Левъ Николаевичъ мнѣ отвѣтилъ, что вегетаріанецъ за каждымъ столомъ найдетъ себѣ пищу, такъ какъ къ каждому столу подаютъ хлѣбъ и хоть одно растительное блюдо.

На первый поѣздъ, уходившій въ Тулу, намъ надо было попасть въ пятомъ часу, а потому, послѣ обѣда, намъ предложили лошадей на станцію Ясенки, гдѣ можно было купить билетъ на почтовый поѣздъ до города Тулы. Подали шарабанъ, запряженный парой, Татьяна Львовна взяла въ руки вожжи, а рядомъ съ нами ѣхала учащаяся молодежь на велосипедахъ. Левъ Николаевичъ ласково обнялъ меня и мою дѣвочку, и черезъ 20 минутъ пара лошадей доставила насъ на ст. Ясенки.

Черезъ 10 дней я былъ въ Самаркандѣ, унося на всю жизнь воспоминаніе о посѣщеніи Ясной Поляны.

VI.

Прошло три года тяжелаго одиночества на окраинѣ, вдали отъ друзей, съ которыми я велъ дѣятельную переписку. Но переписка не удовлетворяла. Жизнь давала такъ мало для души. Всего больше томило одиночество идейное, на которое многіе обречены на нашихъ окраинахъ. Не переставая интересоваться каждымъ новымъ произведеніемъ Л. Н.—ча, появлявшимся и не появлявшимся въ печати, въ особенности его письмами, я тщательно собиралъ и пополнялъ рукописную коллекцію неизданныхъ произведеній Толстого, которыя большею частью лежали на полкахъ моей библіотеки, такъ какъ они мало интересовали туркестанскаго читателя. Правда, въ обществѣ очень любили толковать о Толстомъ, о его неизданныхъ произведеніяхъ, о придуманной будто бы имъ самимъ въ евангельскомъ ученіи теоріи непротивленія злу; хвалили Толстого, какъ автора „Войны и мира“

и „Анны Карениной“ и отрицали его съ 12-го тома. По обыкновенію, большинство ихъ не читало и не желало читать, и осуждали съ легкой руки какъ консервативныхъ, такъ и либеральныхъ органовъ печати. Почему то мое присутствіе вызывало въ обществѣ оживленные споры и нападки на Толстого. Споры велись ожесточенно, и нерѣдко съ пѣной у рта поносили имя великаго писателя, указывая на разладъ въ его ученіи и жизни.

Это несомнѣнно были отзвуки реакціонной печати, въ первое время особенно озлобленно набросившейся на Толстого. Пошелъ цѣлый рядъ статей, оплевывающихъ и забрасывающихъ грязью великое русское имя. Я помню, какъ одна моя знакомая, почтенныхъ лѣтъ дама, сама въ молодости причастная къ литературѣ, всегда восторгавшаяся при имени о. І. Кронштадтскаго и Достоевскаго, передъ которыми она преклонялась, и въ такой же мѣрѣ ненавидѣвшая Толстого, однажды позвала меня къ себѣ на литературный вечеръ, на которомъ она, въ видѣ реванша за прочитанныя у нихъ произведенія Толстого, предложила прочесть одну пасквильную работу Леонтьева (Щеглова): „Около истины“, помѣщенную въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, гдѣ онъ вылилъ ушатъ помоевъ на цѣлую группу лицъ, стоявшихъ около книгоиздательскаго дѣла „Посредникъ“. Одинъ изъ героевъ этого разсказа оказался даже товарищемъ дочери хозяйки, съ которой они вмѣстѣ состояли членами пушкинскаго литературнаго кружка въ Петербургѣ.

Это время было особенно плодотворно подобными литературными произведеніями. Перломъ между ними слѣдуетъ считать „Дневникъ толстовца“ автора романа „Въ новомъ краю“—Ильина.

Вотъ я опять въ Москвѣ среди старыхъ друзей изъ „Посредника“. Въ четыре года многое измѣнилось; друзья мои возмужали. Дѣло народнаго книгоиздательства сильно разрослось. Примѣръ „Посредника“ вызвалъ къ жизни еще нѣсколько народныхъ книгоиздательствъ какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи. Во главѣ „Посредника“ стояли П. И. Бирюковъ и И. И. Горбуновъ.

Вблизи Зубовской площади въ Долгомъ переулкѣ, въ небольшомъ двухъ-этажномъ деревянномъ домикѣ верхнюю квартиру занимала редакція „Посредника“. Въ это время складъ народныхъ изданій при „Посредникѣ“ былъ окончательно упраздненъ и все дѣло распространенія народныхъ книжекъ и картинъ было передано въ Петербургъ извѣстной дѣятельницѣ по народной литературѣ Калмыковой, а въ Москвѣ—М. Е. Конусову.

Но попрежнему самое большое содѣйствіе дѣлу распространенія изданій „Посредника“ оказывала издательская фирма И. Д. Сытина, громадное народное книгоиздательство, печатавшее кромѣ изданій „Посредника“, изданія „В. И.“, Н. А. Рубакина, свои лубочныя изданія и др. При колос-

сальной типографіи Сытина для собственныхъ нуждъ содержалась образцовая школа живописи, во главѣ которой стоялъ пользовавшійся уже тогда извѣстностью художникъ Касаткинъ.

Дѣло „Посредника“ значительно разрослось. Прибавился весьма интересный отдѣлъ „Изданія для интеллигентныхъ читателей“. Первоначально редакція „Посредника“ приняла на себя еще одну скромную роль посредничества въ выборѣ для недосужаго интеллигента такихъ художественныхъ произведеній, которыя отмѣчены этически-христіанскимъ направленіемъ. Послѣ, изъ такихъ небольшихъ русскихъ и иностранныхъ произведеній стали составлять сборники, пользовавшіеся особеннымъ успѣхомъ у читателей.

Въ этомъ и въ другихъ начинаніяхъ „Посредника“ главнымъ вдохновителемъ былъ Л. Н. Толстой. Имъ были избраны и отмѣчены лучшія произведенія Гюи-де-Мопасана и снабжены предисловіями. Дочери Льва Николаевича переводили нѣкоторыя избранныя имъ иностранныя произведенія. Такъ при участіи и содѣйствіи Маріи Львовны были изданы выдержки изъ извѣстнаго дневника Аміеля. Кромѣ того, въ этомъ отдѣлѣ появлялись нѣкоторыя изъ послѣднихъ произведеній Л. Н. Толстого, какъ напр., рассказъ „Хозяинъ и работникъ“.

Почти ежедневно въ Ясную Поляну со всего міра близкіе по духу и религіозно-нравственному настроенію авторы присылали свои письма, статьи и произведенія. Нѣкоторыя изъ нихъ по указанію Льва Николаевича переводились, и тѣ, которыя отвѣчали цензурнымъ условіямъ, издавались „Посредникомъ“.

Такимъ образомъ составилъ весьма интересный отдѣлъ по философіи, руководство которымъ принялъ на себя П. И. Бирюковъ.

Подъ руководствомъ В. Г. Черткова и отчасти изъ-подъ его же пера въ изданіяхъ „Посредника“ появляется цѣлый рядъ очень полезныхъ, очень нужныхъ сочиненій и по половому вопросу. Все та же „Крейцера соната“ вызвала особенный подъемъ духа у пишущихъ, а у читающихъ особенный спросъ на литературу, разрѣшающую одинъ изъ самыхъ больныхъ и жгучихъ вопросовъ. Книгъ этихъ, правда, появилось очень немного, но онѣ были очень цѣнны.

Наконецъ, „Посреднику“ принадлежитъ пальма первенства въ созданіи невѣдомой до того въ русскомъ читающемъ мірѣ литературы по вегетаріанскому вопросу.

И здѣсь, какъ вездѣ, Л. Н. Толстой, можно сказать, прорубилъ окно въ Европу, предпославъ къ великолѣпному энциклопедическаго характера труду по вегетаріанскимъ вопросамъ „Этика пищи“ Хуарда Уильямса, знаменитую вступительную статью „Первая ступень“,—можно сказать безъ преувеличенія, создавшую вегетаріанство у насъ въ Россіи. Вслѣдъ за этой книжкой наша литература по вегетаріанскимъ вопросамъ обогатилась цѣлымъ рядомъ научныхъ трудовъ ,

какъ напр., книжка англійской женщины-врача Анны Кингс-фортъ „Научныя основанія вегетаріанства“, польскаго писателя Моесъ-Оскрагелло „Природная пища человѣка“, А. Бекетова „Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ“, „Гуманитарное ученіе или гуманизмъ“ Г. Солта, „Злая забава“—мысли объ охотѣ Вл. Гр. Черткова, „Наша пища“ І. О. Петерсона, двѣ книжки съ рецептами для приготовленія растительной пищи. Можно сказать, съ ростомъ вегетаріанства развивалась все больше и больше потребность въ вегетаріанской литературѣ, и на встрѣчу этой потребности шла чуткая къ вопросамъ этики редакція „Посредника“.

Не могу не упомянуть еще объ извѣстной и прекрасной книжкѣ д-ра Алексѣева „О пьянствѣ“, съ предисловіемъ Л. Толстого „Для чего люди одурманиваются“, а также не менѣе интересномъ сочиненіи Е. И. Попова „Хлѣбный огородъ или японско-китайское земледѣліе безъ помощи скота“.

Нѣкоторыя произведенія, изданныя „Посредникомъ“, составляли событіе въ нашей литературѣ и отмѣчались единодушно всей критикой. Это, понятно, русскія или иностранныя произведенія, отмѣченныя Л. Н. Толстымъ и, въ большинствѣ случаевъ, снабженныя его предисловіемъ. Такъ было, на примѣръ, съ романомъ фонъ Поленца „Крестьянинъ“.

Книжки для народа издавались съ прежней энергіей и успѣхомъ, хотя цензурныя условія съ каждымъ годомъ становились все труднѣе и труднѣе.

Москва дала „Посреднику“ новыхъ сотрудниковъ. Въ большинствѣ случаевъ то были друзья Льва Николаевича, а иногда и члены его семьи. Весьма дѣятельное участіе въ издательствѣ приняла племянница Льва Толстого—Вѣра Толстая. Но за то замѣтна была и убыль нѣкоторыхъ сотрудниковъ. Такъ, умерла неоцѣнимая сотрудница А. Барыкова, а вслѣдъ за нею и священникъ Аполловъ. Въ моментъ моего посѣщенія „Посредникъ“ приближался къ десятилѣтней годовщинѣ своего существованія. Къ этому времени на оберткахъ народныхъ книжекъ шли трехсотые номера.

Здѣсь, въ Москвѣ, редакція „Посредника“ стала еще ближе къ Льву Николаевичу. И ходьбы-то отъ Зубовской площади въ Долго-Хамовнической переулочъ, гдѣ жили зимой Толстые, всего 15 минутъ. По-прежнему, какъ и въ Петербургѣ, всѣ, интересовавшіеся Львомъ Толстымъ и каждымъ его послѣднимъ произведеніемъ, собирались въ „Посредникъ“, гдѣ въ тѣсномъ кругу сотрудниковъ, ближайшихъ друзей и поклонниковъ Толстого читалось и обсуждалось каждое его послѣднее слово. Того посторонняго элемента, который толпами являлся на литературныя собранія въ Петербургѣ послушать Толстого, а главное высказаться о немъ и зачастую—враждебно, въ Москвѣ было мало. Все это были, главнымъ образомъ, сотрудники. Кружокъ ближайшихъ сотрудниковъ въ Москвѣ значительно увеличился. Въ ряду новыхъ работниковъ стали Е. И. Поповъ, принявшій

на себя руководство и редактированіе вегетаріанскаго отдѣла, Ив. Мих. Трегубовъ, секретарь редакціи и много совершенно новыхъ лицъ, напр., Е. И. Барятинская, Лукьянская, Борисова, Архангельскій и др.

VII.

Захвативъ съ собой самыя необходимыя вещи для дороги, пледъ и подушку, мы—Ив. Ив. Горбуновъ и я, въ 7 часовъ вечера явились на Курскій вокзалъ и взяли билеты III класса до ст. Козловка-Засѣка. Вагоны III класса въ пассажирскомъ поѣздѣ были переполнены фабричными рабочими и крестьянами. Душно было отъ махорки, сивушнаго духа и массы пассажировъ, занявшихъ всѣ мѣста, даже полки для багажа, и расположившихся спать на полу вагона. О снѣ и отдыхѣ нечего было и думать. Пришлось большую часть пути простоять на площадкѣ вагона. Рано утромъ мы прибыли въ Тулу. Оттуда только полчаса ѣзды въ поѣздѣ до ст. Козловка-Засѣка.

Было свѣжее осеннее утро съ легкимъ заморозкомъ, когда мы въ 6 часовъ утра прибыли въ Козловку-Засѣку. Подушки и пледъ мы оставили на храненіе у дежурнаго сторожа. Здѣсь же мы узнали подробно, кто былъ налицо въ Ясной Полянѣ. Желѣзнодорожная прислуга была отлично освѣдомлена о Яснополянской жизни. Къ ней постоянно обращались за справками не только близкіе знакомые и друзья Льва Николаевича, но и многочисленные посѣтители, ежедневно стекавшіеся сюда не только со всѣхъ концовъ Россіи, но и со всего міра.

Получивъ всѣ нужныя свѣдѣнія на станціи, мы бодро зашагали по мерзлой дорогѣ въ Ясную Поляну. Дышалось легко; чудный живительный лѣсной воздухъ придавалъ особенно бодрое настроеніе. Въ 8 часовъ мы уже были въ Яснополянскомъ паркѣ, прошли по знакомой вѣздной аллеѣ, обогнули большой домъ и вошли въ переднюю, въ которой въ эту минуту никого не было. Передняя была высокая комната, во всю вышину двухъ этажнаго дома, съ лѣстницей во второй этажъ и съ огороженной деревянной рѣшеткой площадкой, ведущей въ комнаты верхняго этажа.

Только стали снимать верхнее платье, какъ наверху скрипнула дверь, и на порогѣ одной изъ комнатъ второго этажа показался Левъ Николаевичъ, въ халатѣ и съ посудинкой въ рукахъ. „Здравствуйте, Левъ Николаевичъ!“—заговорилъ первымъ Иванъ Ивановичъ. Левъ Николаевичъ взглянулъ на насъ сверху и узналъ Ивана Ивановича.

— А это вы, Иванъ Ивановичъ. Изъ Москвы пріѣхали?

— Да, и со мной Якубовскій изъ Самарканда.

— Милости просимъ, подымайтесь наверхъ въ столовую, тамъ сейчасъ всѣ соберутся чай пить, и я сейчасъ приду.

Мы поднялись наверхъ въ хорошо знакомую мнѣ столовую; тамъ уже сидѣла англичанка съ младшими дѣтьми,

10-лѣтней дѣвочкой Сашей и мальчикомъ Ваней, 7 лѣтъ. Вскорѣ одинъ за другимъ стали собираться старшіе члены семьи Толстыхъ. Пришла Софія Андреевна, Татьяна Львовна и Марія Львовна. Затѣмъ быстро распахнулась дверь, и въ дверяхъ появился большой самоваръ, который несъ Левъ Николаевичъ, а за нимъ вошла молоденькая 17 лѣтъ дѣвушка, повидимому, горничная. Дѣло въ томъ, что, замѣтивъ ея непосильную ношу, Левъ Николаевичъ выхватилъ у нея изъ рукъ большой ведерный самоваръ, внесъ его въ столовую и поставилъ на столъ. Потомъ онъ поздоровался съ нами, нѣжно обнявъ каждого изъ насъ, и сталъ спрашивать Ивана Ивановича про Москву и про московскихъ друзей, а меня про Самаркандъ. Кое-что о моей жизни въ Самаркандѣ Льву Николаевичу было уже извѣстно отчасти изъ моихъ писемъ, отчасти по рассказамъ Ивана Ивановича. Писемъ моихъ Левъ Николаевичъ никогда не оставлялъ безъ отвѣта, и всегда въ этихъ отвѣтахъ было нѣсколько теплыхъ и бодрящихъ словъ.

На одно изъ писемъ, вызванныхъ ужасной смертью моей старшей дѣвочки Оли, утонувшей въ хаузѣ, Левъ Николаевичъ отвѣтилъ:

„Чувствую себя очень виноватымъ передъ вами за то, что, такъ давно уже получивъ ваше письмо, до сихъ поръ не отвѣчалъ на него, особенно вамъ въ такую даль, гдѣ всякая вѣсть получаетъ особую цѣну. Очень сердечно пожалѣлъ я о судьбѣ вашей дочери, то есть не о ней, а о васъ и о вашей женѣ. Такія смерти всегда представляются тайной. Зачѣмъ надо умереть *этому* молодому существу, а не *тому*. И несмотря на то, что нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ, такого, который удовлетворилъ бы вполне разумъ, сердцемъ чувствуешь, что и это совершается по закону и по благовому закону любви. Здоровье мое для моихъ лѣтъ хорошо, и вегетаріанство дѣлаетъ мнѣ большую пользу. Жду очень переводимую вами книгу. Я кое-что прочелъ въ ней. Она мнѣ нравится; но мнѣ кажется, что въ ней есть и научный излишекъ мудрствованія. Для меня всегда останется главнымъ мотивомъ нравственный — 1) не убивать, а 2) какъ можно меньше труда доставлять людямъ. И соблюдая эти двѣ цѣли, я увѣренъ, что будетъ и самая естественная, а потому здоровая для человѣка пища. Желаю вамъ духовной радости, мира и любви. Любящій васъ Л. Толстой“.

Еще раньше по поводу той же переведенной мной и изданной послѣ „Посредникомъ“ книжки Моэсъ-Оскрагелло „Природная пища“ Левъ Николаевичъ писалъ мнѣ:

„Простите, что отвѣчаю кратко. Очень благодаренъ вамъ за ваше письмо и совѣтъ. Книгу Оскрагелло видѣлъ только отрывками. Мнѣ кажется, что въ ней есть много хорошаго. Радостно видѣть, что вегетаріанство, какъ часть только или скорѣе практической выводъ изъ ученія Христа, все больше и больше распространяется. Очень пожалѣлъ о вашемъ

горѣ. Я очень занятъ своей работой, которую теперь оканчиваю“. Е. И. Поповъ живетъ у насъ пока, а Бирюковъ въ Рязанской губерніи, гдѣ кормитъ голодныхъ. Я на-дняхъ ѣду къ нимъ. Мы съ тѣмъ и другимъ любовно говорили о васъ. Желаю вамъ того блага, котораго никто и ничто не можетъ отнять. Л. Толстой“.

Въ третьемъ письмѣ Левъ Николаевичъ отвѣчаетъ на посланный ему при моемъ посредствѣ для просмотра разсказъ одного туркестанца. Несмотря на то, что трудъ довольно объемистый и Левъ Николаевичъ въ это время былъ особенно занятъ, онъ очень скоро прочелъ рукопись и отвѣтилъ:

„Статью N.N. я послалъ Ивану Ивановичу, но не думаю, чтобы онъ напечаталъ ее. Она проникнута самымъ хорошимъ чувствомъ, но не хорошо выражено это чувство. Превращеніе внутреннее ¹⁾, возрожденіе, описаніе этого явленія есть одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ искусства. И такое описаніе дѣйствуетъ страшно сильно, если оно удачно, и совершенно не дѣйствуетъ и даже отрицательно, когда оно неудачно. Братски цѣлую васъ. Л. Толстой“.

За общимъ чаемъ, котораго тогда Левъ Николаевичъ по утрамъ не пилъ, а кушалъ любимую овсянку, продолжались его разспросы.

— А кто у васъ въ Самаркандѣ губернаторомъ?

— Графъ Ростовцевъ.

— Какой Ростовцевъ?

— Я назвалъ его имя и отчество и разсказалъ все, что зналъ о его интересномъ прошломъ, многолѣтнемъ вынужденномъ пребываніи за границей, его административной и общественной дѣятельности и популярности, какъ среди русскаго, такъ и мусульманскаго населенія. Вообще, старался обрисовать въ самыхъ симпатичныхъ чертахъ этого симпатичнѣйшаго и выдающагося изъ туркестанскихъ дѣятелей.

— Да, да, это и есть тотъ самый Николай Ростовцевъ, съ которымъ мы участвовали въ севастопольской оборонѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ офицеровъ русской арміи. Мы были тогда очень дружны съ нимъ. Съ нимъ же мы задумали и хлопотали объ изданіи журнала для солдатъ. Ростовцевъ выработалъ программу и представилъ ее на разрѣшеніе. Но, понятно, журнала не разрѣшили и остались одни только добрыя намѣренія. Въ послѣдній разъ мы видѣлись съ нимъ, кажется, въ 1862 году въ Италіи (Л. Н. называлъ городъ, но боюсь перепутать). Съ тѣхъ поръ мы ни разу не встрѣчались съ нимъ. Вы говорите, онъ недавно женился. Ему теперь приблизительно лѣтъ 60. Пожалуйста, передайте ему мой привѣтъ.

Затѣмъ Левъ Николаевичъ спросилъ про барона Вревскаго и его племянницу, княгиню Гагарину. Я ихъ одинъ разъ

¹⁾ Въ это время было уже задумано, а можетъ быть и писалось „Воскресеніе“. Прим. автора.

только видѣлъ, когда баронъ былъ проѣздомъ въ Самаркандъ и посѣтилъ со своей племянницей любительскій спектакль. Левъ Николаевичъ вспомнилъ про нее подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ея недавняго посѣщенія и съ особенной похвалой отозвался о ней. Затѣмъ Левъ Николаевичъ отправился въ свой кабинетъ. Обыкновенно въ это время онъ ходилъ въ дровяной сарай, кололъ тамъ дрова и таскалъ ихъ въ свой рабочій кабинетъ. А затѣмъ уже принимался за литературный трудъ.

Въ столовой оставалась Софія Андреевна съ дочерью. Софія Андреевна занялась съ Иваномъ Ивановичемъ обсужденіемъ какого-то издательскаго вопроса, а Татьяна Львовна заговорила со мной относительно одной брошюры по вопросамъ гигиены костюма, которую я недавно переводилъ и посылалъ имъ для просмотра. „Все въ ней хорошо,—соглашалась Татьяна Львовна,—но только зачѣмъ,—шутливо добавила она,—авторъ такъ сурово осуждаетъ духи и корсеты, хотя бы это онъ оставилъ намъ“.

Затѣмъ разговоръ перешелъ къ воспоминаніямъ о покойномъ Н. Н. Ге, съ которымъ Т. Л., какъ художникъ, состояла въ перепискѣ и дружила.

Двѣ его послѣднія, снятыя съ передвижной выставки, картины хранились въ Ясной Полянѣ, во флигелѣ, куда насъ повела смотрѣть Татьяна Львовна.

Пройдя по аллеямъ, густо застланнымъ пожелтѣвшимъ листомъ, мы вошли въ большой флигель и очутились въ свѣтлой комнатѣ, гдѣ по двумъ смежнымъ стѣнамъ разставлены были обѣ картины Ге: „Распятіе“ и „Выходъ послѣ суда“; первая картина оказалась нѣсколько попорченной отъ заворачиванія полотна картины въ газетные листы, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пятнами прилипли къ свѣжей краскѣ.

Особенно сильное впечатлѣніе производитъ первая картина. Вотъ какъ описываетъ содержаніе этой картины самъ авторъ:

„Христосъ на крестѣ умираетъ. Около него рвется съ креста къ умирающему разбойникъ въ ужасѣ. Только что полюбилъ онъ въ первый разъ, узналъ любовь и теряетъ самое дорогое: Христа, который зажегъ въ немъ жизнь, любовь, правду. Этому ужасу, этому горю вторитъ буря. Облака пыли несутся, сливаются небо съ землей—тьма надвигается, чтобы закрыть все“.

Вспоминаю при этомъ, какъ описывала такое же впечатлѣніе отъ картины одна знакомая дама, Н. М. Данилевская, воспитательница П. И. Бирюкова, женщина очень религіозная. Когда картина была снята съ передвижной выставки и помѣщена въ квартирѣ Н. Н. Ге, масса посѣтителей стала являться къ нему на квартиру, чтобы посмотреть картину. Отправилась и Н. М. Данилевская. Ее привѣтливо встрѣтилъ самъ художникъ и пригласилъ отдохнуть въ передней и

приготовиться къ неожиданному впечатлѣнію. Затѣмъ пригласилъ ее посмотреть картину. Она сосредоточила свое вниманіе на лицѣ разбойника и была поражена и приведена этимъ лицомъ въ недоумѣніе. Н. Н. Ге спросилъ ее:

— Приходилось ли вамъ когда-нибудь присутствовать при смерти самага дорогаго и близкаго вамъ лица?

— Да, при смерти отца.

— Не то же ли самое вы испытали въ тотъ моментъ, что испыталъ разбойникъ, только что полюбившій и лишившійся самага дорогаго для него существа?

Вторая картина „Выходъ послѣ суда“ слѣдующаго содержания:

Христа осужденнаго вывели и здѣсь его окружили еврейскіе священники и издѣваются надъ нимъ. Одинъ изъ нихъ собирается плюнуть Учителю въ лицо. Сзади стоятъ воины римскіе, вооруженные копьями. Это лѣвая сторона картины. На правой изображенъ со всей помпой выходъ суда: первосвященникъ Анна, дряхлый немощный старецъ, идетъ, или вѣрнѣе его ведутъ подъ руки прислуживающіе въ храмъ юноши. Въ рукахъ у Анны тора (свитокъ)—книга законовъ. Впереди несутъ пальмовыя листья и играютъ на струнномъ инструментѣ, а сзади Анны невозмутимо, съ мертвенно строгимъ лицомъ, тихо подвигается главный виновникъ смерти Христа—Каіафа. А Христось стоитъ прижавшись къ стѣнѣ и кротко переноситъ оскорбленія.

VIII.

Въ 12 часовъ намъ подали телѣжку и мы поѣхали навѣстить добрую старушку, Марію Александровну Шмидтъ. Отъ своего пріятеля въ Баку я много слышалъ про нее, когда она еще жила на Черноморскомъ побережьѣ, близъ Туапсе, по дорогѣ въ Сочи. Тамъ она нѣсколько лѣтъ прожила земледѣльческимъ трудомъ. До того времени она служила учительницей или классной дамой въ Москвѣ, вышла въ отставку и, отказавшись отъ пенсіи, „сѣла на землю“, по тогдашнему выраженію. Но тамъ ей, при ея любвеобильномъ сердцѣ, пришлось очень трудно жить. Живя на большой дорогѣ, по которой ежедневно проходили десятки богомольцевъ въ Новый Аѳонъ, ей приходилось послѣдними крохами дѣлиться съ богомольцами.

Въ это время Татьяна Львовна Толстая пригласила ее къ себѣ и предложила ей небольшой участокъ земли въ нѣсколько десятинъ съ просторной избой, въ которой Марія Александровна и поселилась. Надобно замѣтить, что въ это время Левъ Николаевичъ особенно интересовался экономической теоріей извѣстнаго американскаго экономиста Генри Джорджа о націонализациі земли. Левъ Николаевичъ находилъ, что эта теорія земледѣлія, по которой каждый чело-вѣкъ имѣетъ право владѣть такого размѣра участкомъ земли,

какой онъ въ состояніи единоличнымъ трудомъ обработать, ближе всего подходитъ къ христіанскому ученію. Вообще вопросы о собственности давно волновали членовъ семьи Толстого; въ семьѣ Толстыхъ давно шло стремленіе такъ или иначе разрѣшить этотъ тяжелый для нихъ вопросъ.

Между прочимъ, и Татьяна Львовна рѣшила его по-своему. Доставшійся ей по имущественному раздѣлу участокъ земли въ нѣсколько сотъ десятинъ она раздѣлила между нуждающимися въ землѣ крестьянами по равной части, обязавъ ихъ вносить ренту въ общую кассу, откуда деньги шли на общественныя нужды собственниковъ земли. Такого же размѣра участокъ и на такихъ же условіяхъ она оставила себѣ и посадила на него Марію Александровну Шмидтъ. Марія Александровна развела на немъ огородъ, завела молочное хозяйство и продавала молоко на ближайшій бельгійскій заводъ. Кромѣ того, зимой, въ видѣ подспорья, она занималась перепиской послѣднихъ произведеній Льва Н—ча, обладая, несмотря на преклонные годы, замѣчательно красивымъ и четкимъ почеркомъ.

Старуха очень обрадовалась нашему пріѣзду и встрѣтила насъ необыкновенно радушно, спрашивала меня про жизнь нашего общаго друга Л. Е. Душкина въ Баку. Своей удивительной уравновѣшенностью и душевнымъ покоемъ она поражала насъ, живущихъ нервной суетливой городской жизнью.

Небольшая усадьба Татьяны Львовны находилась довольно далеко, верстахъ въ 6-ти отъ Ясной Поляны, дорога туда лежала черезъ Козловку. Къ обѣду мы вернулись съ небольшимъ опозданіемъ. Въ 5 часовъ уже вся семья Толстыхъ собралась въ столовую и сейчасъ же принялась обѣдать. Обстановка обѣда совсѣмъ барская, за столомъ служилъ лакей во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ, и подавались кушанья на дорогой посудѣ. На этотъ разъ вегетаріанская половина за столомъ преобладала. Только Софія Андреевна оставалась вѣрной мясному режиму и держала на немъ младшихъ дѣтей, Сашу и Ваню.

За обѣдомъ шелъ оживленный разговоръ; Левъ Николаевичъ продолжалъ спрашивать про Туркестанъ, полевые сартовскія работы, арычную систему орошенія, земельную собственность у сартовъ. Къ прискорбію моему, я довольно плохо былъ знакомъ съ этими вопросами и далеко не въ достаточной мѣрѣ могъ удовлетворить любознательность Льва Николаевича. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что я правъ былъ, указывая на интересный способъ землепользованія и землевладѣнія у самаркандскихъ сартовъ богарными полями, считающимися государственной собственностью и близко подходящій къ теоріи Генри Джорджа.

Вообще въ послѣдніе годы Левъ Николаевичъ все больше и больше интересовался теоріей Генри Джорджа о націонализаціи земли, касался этого вопроса и въ своихъ

художественныхъ произведеніяхъ, напр., въ романѣ „Воскресеніе“, гдѣ князь Нехлюдовъ передъ своими мужиками развивалъ экономическую теорію Джорджа.

Послѣ обѣда, часовъ въ 6, Левъ Николаевичъ предложилъ намъ совершить обычную дальнюю прогулку. Изъ усадьбы мы вышли черезъ большія вѣздныя ворота и скоро очутились на большой шоссированной дорогѣ, ведущей въ Тулу.

Левъ Николаевичъ былъ одѣтъ въ легкое осеннее пальто, сильно потертое, и шагаль такъ быстро, что мы вдвоемъ съ Иваномъ Ивановичемъ едва поспѣвали за нимъ, несмотря на то, что каждый изъ насъ былъ почти вдвое моложе Льва Николаевича. По пути намъ встрѣчались Яснополянскіе мужики и мужики окружныхъ деревень. Почти каждаго изъ нихъ Левъ Николаевичъ зналъ по имени, его семейное и имущественное положеніе.

Вообще въ отношеніяхъ къ нему крестьянъ смѣшивалось и какъ-то отлично уживалось и то прежнее отношеніе мужика къ доброму любимому и заботливому помѣщику и то новое братское отношеніе, которое какъ-то необыкновенно просто слагалось въ удивительной любовной атмосферѣ, окружавшей личность этого кристаллически чистаго чловѣка. Повстрѣчалась какая-то баба, разыскивавшая бычка въ лѣсу. Левъ Николаевичъ разспросилъ ее про мужа, про дѣтей и про развалившуюся избу. Повстрѣчались пьяные мужики. Они возвращались изъ Тулы на подводахъ, что-то везли продавать и загуляли въ городѣ. Левъ Николаевичъ сталъ разспрашивать, что говоритъ имъ священникъ объ употребленіи спиртныхъ напитковъ и пьетъ ли онъ самъ. Незамѣтно мы прошли такъ нѣсколько верстъ и спохватились, когда совсѣмъ уже стало темно и пора было уже возвращаться. Левъ Николаевичъ повелъ насъ кратчайшимъ путемъ. Мы пошли проселочной дорогой и подошли къ Яснополянскому лѣсному парку, окруженному глубокой канавой. Насъ велъ Левъ Николаевичъ; онъ дорогу зналъ великолепно, но въ сумерки все-таки плохо видѣлъ. Канавы въ этомъ мѣстѣ оказалась широкая и глубокая, и мы стали выбирать мѣсто, гдѣ бы удобнѣе было перепрыгнуть. Я между ними оказался самымъ зрячимъ. Мы подошли вплотную къ канавѣ. Левъ Николаевичъ поинтересовался узнать, который часъ. Съ собой онъ никогда часовъ не носилъ. На своихъ часахъ я не могъ разглядѣть времени; было до того темно, что нельзя было разглядѣть стрѣлокъ.

— Покажите мнѣ, сказалъ Левъ Николаевичъ, я хорошо вижу вблизи.

И дѣйствительно, Левъ Николаевичъ сразу опредѣлилъ время. Было уже 7 часовъ и надо было торопиться къ чаю.

Недолго соображая, позондировавъ палкой глубину рва, я первый прыгнулъ черезъ канаву и такъ неловко, что одной ногой очутился на днѣ канавы, замочивъ ногу. Левъ Нико-

лаевичъ съ ловкостью 18-лѣтняго юноши перепрыгнулъ ровъ и очутился на той сторонѣ. Несмотря на плохое зрѣніе, довольно удачно перепрыгнулъ и Иванъ Ивановичъ. Левъ Николаевичъ пожалѣлъ меня и все утѣшалъ, что какъ только придемъ домой онъ дастъ мнѣ возможность переодѣться въ сухое бѣлье. Черезъ 10 минутъ мы уже были дома. Левъ Николаевичъ повелъ насъ въ предназначенную для нашего ночлега комнату.

Это была знаменитая комната, гдѣ помѣщалась всѣмъ извѣстная бібліотека. Нѣсколько бібліотечныхъ шкафовъ стояли стѣной посрединѣ комнаты и дѣлили ее пополамъ. Въ первой половинѣ на стѣнѣ висятъ семейные портреты, затѣмъ портреты Диккенса, Шопенгауэра, Тургенева, Е. Ковалевскаго и другихъ. Направо въ стѣнной нишѣ помѣщался небольшой мраморный бюстъ любимаго брата Льва Николаевича, Николая Толстого. За перегородкой помѣщались двѣ кровати. Левъ Николаевичъ ввелъ насъ за перегородку, зажегъ свѣчу, досталъ изъ комода пару толстыхъ бумажныхъ носковъ и предложилъ мнѣ переобуться, чтобы не простудиться.

— И приходите наверхъ чай пить.

А самъ отправился въ свой кабинетъ, помѣщающійся черезъ комнату отъ бібліотеки.

IX.

Мы оставались еще нѣкоторое время въ бібліотекѣ, гдѣ Иванъ Ивановичъ знакомилъ меня съ семейными портретами, современниками Толстого и разными предметами, имѣющими близкое отношеніе къ прошлому Льва Николаевича.

Къ 8 часамъ вечера въ столовой мы застали въ сборѣ всю семью Льва Николаевича. Послѣ чая мы оставались еще нѣкоторое время въ столовой. Левъ Николаевичъ быстро шагаль съ нами по комнатѣ, поражая эластичностью и молоджавостью своихъ движеній. Онъ ходилъ точно скользилъ по льду, ловко поворачиваясь на носкахъ, въ своей привычной позѣ,—одна рука заложена за кушакъ, а другая покоится въ карманѣ суконной блузы. Левъ Николаевичъ разспрашивалъ меня о моемъ путешествіи. Вскорѣ онъ вернулся къ излюбленной своей темѣ о націонализациі земли, изложилъ намъ въ яркихъ примѣрахъ теорію Генри Джорджа. Для осуществленія ея великій экономистъ предлагаетъ всѣ налоги—и прямые и косвенные—свести къ обложенію земли; тогда крупнымъ землевладѣльцамъ придется платить такіе колоссальные налоги, что выгоднѣе будетъ уступить землю мелкимъ, которые одни, обрабатывая ее личнымъ трудомъ, въ состояніи будутъ ихъ вынести. И тогда уже Левъ Николаевичъ высказалъ желаніе, чтобы идеи Генри Джорджа нашли бы популяризаторовъ въ средѣ русскихъ писателей.

Въ это время къ намъ изъ сосѣдней комнаты прибѣжали младшія дѣти, Саша и Ваня, и позвали всѣхъ насъ въ дѣтскую смотрѣть зажженную ими елку. Веселое дѣтское настроеніе сразу передалось намъ всѣмъ. Въ дѣтской кругомъ елки собрались всѣ домашніе. На небольшой корявой елкѣ горѣли десятокъ—другой свѣчей, елочныхъ и даже большихъ стеариновыхъ, висѣли разные предметы, въ томъ числѣ пара лаптей. Какъ только Левъ Николаевичъ вошелъ въ дѣтскую, всѣхъ сразу охватило веселье. Онъ поставилъ всѣхъ въ кружокъ, и всѣ мы начали вокругъ елки кружиться и подплясывать; Левъ Николаевичъ затащилъ какую-то русскую плясовую, дѣти начали прыгать, стараясь перещегоолять отца, дѣлавшаго уморительные прыжки. Когда всѣ уже устали кружиться, Ваня снялъ съ елки лапти и торжественно поднесъ ихъ Льву Николаевичу, а Левъ Николаевичъ важно подвѣсилъ ихъ къ кожаному кушаку, и мы всѣ вернулись въ столовую.

Уставъ сильно отъ всѣхъ впечатлѣній дня, а главное почувствовавъ приступъ моей неразлучницы—туркестанской лихорадки, дрожью охватившей все тѣло отъ промоченныхъ ногъ; я почувствовалъ, что дальше оставаться не могу. Левъ Николаевичъ, замѣтивъ усталость на моемъ лицѣ и узнавъ, что меня мучаетъ лихорадка, предложилъ отправиться въ постель, что я сейчасъ и исполнилъ, и о чемъ на другой день очень пожалѣлъ, узнавъ отъ Ивана Ивановича, что въ столовой еще долго бесѣдовали, а послѣ Левъ Николаевичъ съ Татьяной Львовной сыграли въ 4 руки Крейцерову сонату.

Пройдя за перегородку библіотеки, гдѣ постели для насъ были уже готовы, я быстро раздѣлся и, когда снималъ носки, меня такъ и подмывалъ бѣсъ соблазна спрятать себѣ на память носки Льва Николаевича. Можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ каждая вещь его будетъ считаться священной реликвіей, а я, какой-то тамъ жалкій туркестанскій чинушка, буду обладать парой носковъ Л. Н. Толстого. Но скоро мнѣ стало стыдно этой слабости. Признаться, и не безъ колебанія, я положилъ носки Льва Николаевича подъ подушку и уснулъ, сладко уснулъ, съ гордымъ сознаніемъ о переживаемыхъ мною дорогихъ въ жизни минутахъ.

На другой день, въ 6 часовъ утра, намъ подали телѣжку. Въ домѣ всѣ еще спали, только Левъ Николаевичъ вышелъ насъ провожать и на прощанье нѣжно обнялъ насъ обоихъ, напутствовавъ самыми теплыми пожеланіями, а мнѣ въ частности поручивъ кланяться его старому товарищу-севастопольцу, Н. Я. Ростовцеву. Мы быстро покатили по мерзлой дорогѣ, боясь опоздать.

Сознавая, что тамъ, на азіатской окраинѣ, мнѣ опять предстоитъ душевно голодать цѣлыхъ три года, до новаго отпуска, я постарался посѣтить всѣхъ старыхъ и новыхъ друзей „Посредника“, однимъ словомъ взять все, что только можно было взять отъ этой поѣздки.

Грустно—тяжело и больно было покидать эту чудную, столь родственную душѣ среду, но отпуска оставалось всего мѣсяцъ съ небольшимъ, а предстояла еще поѣздка въ Петербургъ и длинный обратный путь.

Х.

Быстро протекли 1895, 1896 и 1897 годы.

Съ одной стороны, когда взберешься на вершину жизни, т. е. когда тебѣ перевалить за 40, жизнь необыкновенно быстро катится подъ гору. Съ другой стороны, въ скучной однообразной жизни Самарканда эти годы были отмѣчены особеннымъ оживленіемъ. Въ это памятное для меня время онъ сталъ средоточіемъ постройки или вѣрнѣе достройки Средне-Азіатской желѣзной дороги. Жизнь нашей „спящей красавицы“ съ пріѣздомъ строителей, инженеровъ, техникувъ, приобрѣла особенно живой темпъ и стала быстро расти и развиваться. Душой и вдохновителемъ этой жизни былъ военный губернаторъ графъ Н. Я. Ростовцевъ, отмѣтившій цѣлымъ рядомъ плодотворныхъ начинаній послѣдніе годы своей жизни. Живому, интеллигентному человѣку вблизи его всегда можно было найти полезный и по душѣ трудъ.

Протекло три года съ послѣдней поѣздки въ Европейскую Россію, и я не замедлилъ воспользоваться правомъ на второй долгосрочный отпускъ.

Три послѣднихъ года произвели большую брешь въ рядахъ „Посредника“. Лучшіе работники, такъ сказать, столпы „Посредника“, какъ В. Г. Чертковъ, П. И. Бирюковъ, П. А. Буланже, И. М. Трегубовъ, были высланы изъ Россіи, и въ 1897 году я уже никого изъ нихъ не засталъ въ Москвѣ.

Въ послѣдніе три года много крупныхъ событій пронеслось надъ судьбой Россіи, такъ или иначе отразившихся на дѣятельности „Посредника“. Самое крупное изъ нихъ—духовно-нравственное броженіе въ средѣ духовоборовъ, закончившееся массовыми отказами отъ военной службы, сожженіемъ оружія, вызвавшими для многихъ административную высылку въ Якутскую область, а для всей, такъ называемой, большой партіи—выселеніе сначала на островъ Кипръ, а потомъ въ Канаду. Многіе изъ друзей „Посредника“ сопровождали ихъ въ Америку, въ качествѣ врачей, фельдшерицъ, переводчиковъ и проч., между прочими С. Л. Толстой, Л. А. Сулержицкій, А. Н. Коншинъ, Е. Д. Хирьякова, М. А. Чеховичъ, В. М. Величкина, англичанинъ Сень-Джонъ, В. Д. Бончъ-Бруевичъ и другіе.

Къ моему пріѣзду въ Москву, въ январѣ 1897 года зима была суровая. Редакція „Посредника“ помѣщалась все тамъ же, близъ Зубовской площади, въ Долгомъ переулкѣ. Меня попрежнему ждала теплая братская встрѣча друга, Ивана Ивановича Горбунова, теперь единственного изъ прежнихъ работниковъ „Посредника“.

День пріятнаго отдыха въ радушной семьѣ Ивана Ивановича, и на другойде нь я уже готовъ былъ принять массу новыхъ впечатлѣній. Днемъ я навѣстилъ наиболѣе близкихъ изъ старыхъ друзей, а вечеръ собирался провести въ Долго-Хамовническомъ переулкѣ, въ домѣ Толстыхъ. Московскій домъ ихъ помѣщался въ саду. Ходъ ведетъ съ калитки. На этотъ разъ насъ съ Иваномъ Ивановичемъ въ передней встрѣтилъ лакей; онъ сообщилъ, что у Льва Николаевича въ кабинетѣ сидитъ какой-то господинъ, и просилъ насъ нѣсколько обождать. Мы просидѣли минутъ пять, какъ по лѣстницѣ сбѣжала внизъ Татьяна Львовна и пригласила насъ наверхъ въ столовую, гдѣ въ ожиданіи Льва Николаевича мы нѣкоторое время бесѣдовали съ ней.

Вскорѣ появился Левъ Николаевичъ и позвалъ насъ къ себѣ въ кабинетъ, куда надо было спускаться внизъ по лѣстницѣ. Небольшая низкая комната съ кожанымъ продавленнымъ диваномъ и переддиваннымъ столомъ. Въ кабинетѣ мы застали молодого художника Сулержицкаго, недавно вернушагося съ Кавказа отъ духоборовъ. Очень скоро насъ всѣхъ позвали пить чай наверхъ въ столовую, гдѣ уже собралось большое общество московскихъ знакомыхъ Толстыхъ. Здѣсь былъ старый знакомый Толстыхъ какой-то отставной (курскій или рязанскій—не помню) либеральный губернаторъ—генераль въ казачьемъ мундирѣ, профессоръ Н. Я. Гротъ, директоръ московскаго торговаго банка Д., какая-то англичанка, не говорившая по-русски, и еще другія лица, фамилій которыхъ теперь не припомню. Всѣхъ насъ Левъ Николаевичъ перезнакомилъ, и сейчасъ же начались разспросы про Самаркандъ. Зашла рѣчь про покойнаго графа Н. Я. Ростовцева. Левъ Николаевичъ вспомнилъ его добрымъ словомъ.

Профессоръ Н. Я. Гротъ не только былъ лично знакомъ съ графомъ Ростовцевымъ, но состоялъ даже въ какомъ-то родствѣ съ нимъ. Зашла рѣчь о новыхъ министерскихъ назначеніяхъ. Это было въ началѣ января 1898 года, когда только что пронесся слухъ о назначеніи генерала Куропаткина военнымъ министромъ. Затѣмъ рѣчь перешла къ вопросамъ о значеніи и назначеніи искусства.

Къ этому времени Левъ Николаевичъ уже закончилъ свой трудъ объ искусствѣ.

Въ эту поѣздку мнѣ пришлось еще только одинъ вечеръ провести въ обществѣ Льва Николаевича.

За два дня до отъѣзда мнѣ стало извѣстно, что Л. Н. собирается навѣстить одного изъ близкихъ друзей своихъ, нѣкоего Р—ва, бывшаго члена окружнаго суда. Р—въ уже нѣсколько лѣтъ былъ прикованъ тяжелой болѣзнію къ постели и лишенъ возможности лично посѣщать Льва Николаевича. Левъ Николаевичъ очень полюбилъ его и его прекрасную семью, въ которой его любили и боготворили всѣ. Въ теченіе зимы онъ очень часто навѣщалъ своего друга

охотно проводилъ время въ кругу этой славной семьи. Иванъ Ивановичъ предложилъ мнѣ познакомиться съ Р-ми и воспользоваться случаемъ еще разъ повидать Льва Николаевича. Мы собрались вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ, его братомъ Николаемъ Ивановичемъ и гостившей у нихъ молодой дѣвушкой Е. Е. К-вой. Р-вы жили противъ Катковскаго лица, въ нижнемъ этажѣ. Мы пришли въ сумерки. Еще не зажигали огней. Въ гостиной, въ креслѣ-коляскѣ сидѣлъ больной, разбитый параличемъ Р-въ. Достаточно было войти въ комнату и окинуть взглядомъ стѣны, столы, этажерки, чтобы сразу догадаться, кому здѣсь поклоняются. Кругомъ висѣли потреты Толстого и членовъ его семьи, иллюстраціи къ его произведеніямъ, какъ прежнимъ, такъ и послѣднимъ. Здѣсь одинаково поклонялись Толстому какъ автору „Дѣтства, отрочества и юности“, „Анны Карениной“, „Крейцеровой сонаты“, такъ и послѣднихъ произведеній. Даже на лампѣ просвѣчивали діапозитивы съ портретами Толстого и его семьи. Больной не могъ подниматься по лѣстницѣ и оттого они жили внизу. Онъ шутливо жаловался на Каткова, что всю-то жизнь свою онъ закрывалъ свѣтъ въ Россіи и даже-теперь, послѣ своей смерти, онъ лишаетъ его свѣта солнечнаго (высокое зданіе лица не пропускало въ ихъ квартиру солнечныхъ лучей). Весь вечеръ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ.

Такъ какъ черезъ два дня я долженъ былъ уѣхать въ Петербургъ, то на меня въ этотъ вечеръ было возложено нѣсколько порученій, между прочимъ—передать письмо одному извѣстному въ Петербургѣ юристу—хорошему знакомому и поклоннику Льва Николаевича. Для написанія письма Левъ Николаевичъ удалился въ кабинетъ хозяина, и черезъ нѣсколько минутъ оно было уже готово. Въ письмѣ этомъ Левъ Николаевичъ просилъ походатайствовать за К-ву, которая жила тогда въ Москвѣ и пришла тогда же вмѣстѣ съ нами. Затѣмъ, узнавъ, что я опять ѣду въ Петербургъ ходатайствовать о переходѣ въ Европейскую Россію, Левъ Николаевичъ участливо спросилъ меня, не можетъ ли онъ и мнѣ оказать какое-либо содѣйствіе, написать, напр., кому-либо письмо? Я съ признательностью принялъ предложеніе Льва Николаевича и просилъ его написать извѣстному петербургскому издателю, у котораго большія связи по моему вѣдомству и тоже поклоннику Толстого, и черезъ пять минутъ и это письмо было готово.

Во 2-мъ часу мы распрощались съ радушными хозяевами и разошлись по домамъ, выйдя всѣ вмѣстѣ. Левъ Николаевичъ направился домой въ Хамовники пѣшкомъ съ Татьяной Львовной. Меня поразило, что несмотря на трескучій морозъ, около 20⁰, онъ одѣтъ былъ въ легкое драповое пальто и вязаную изъ шерсти шапку. Вообще въ этомъ году Левъ Николаевичъ чувствовалъ себя крѣпкимъ и бодрымъ, лѣтомъ катался верхомъ и на велосипедѣ, а зимой на конь-

кахъ. На второй или на третій день послѣ отъѣзда моего изъ Москвы его посѣтилъ М. О. Меньшиковъ, отлично катавшійся на конькахъ. Левъ Николаевичъ предложилъ ему покататься вмѣстѣ въ саду на конькахъ, и, несмотря на свои преклонные годы, свободно обгонялъ бывшего моряка.

XI.

Четвертый разъ суждено мнѣ было посѣтить Толстыхъ въ 1900 году.

Прошло два года со времени послѣдней поѣздки въ Европейскую Россію, и я могъ воспользоваться только двухмѣсячнымъ отпускомъ.

Въ Москву я прибылъ въ концѣ іюня и, сверхъ ожиданія, засталъ Горбуновыхъ дома, а не на дачѣ, какъ я предполагалъ. Въ это время редація помѣщалась въ Трубецкомъ переулкѣ близъ Дѣвичьяго поля. Въ Москвѣ, кромѣ Борисовыхъ, никого изъ знакомыхъ не было. Всѣ разъѣхались по дачамъ и въ деревню.

Случилось такъ, что Иванъ Ивановичъ долженъ былъ по дѣламъ съѣздить въ Ясную Поляну, чтобы повидаться съ Львомъ Николаевичемъ. Опять мы на пассажирскомъ поѣздѣ и съ нами масса рабочихъ, уѣзжавшихъ изъ Москвы по субботамъ. Въ Ясную Поляну мы по обыкновенію прибыли утромъ.

Лѣтомъ къ Толстымъ съѣзжается много родныхъ. Въ этотъ разъ мы застали старшаго сына Сергѣя Львовича, дочь Татьяну Львовну, года два тому назадъ вышедшую замужъ за Сухотина, и ея супруга. Татьяна Львовна была сильно больна, лежала въ постели, и мнѣ не пришлось ее видѣть. Былъ еще младшій сынъ, Андрей Львовичъ, недавно женившійся на одной изъ дочерей Дидерихсъ, которая, любя очень Льва Николаевича, въ послѣднее время старалась замѣнить Татьяну Львовну и Марію Львовну, ибо онѣ съ выходомъ замужъ стали рѣже появляться въ Ясной Полянѣ и меньше помогали отцу въ его литературныхъ работахъ и въ перепискѣ съ русскими и заграничными друзьями. Но въ настоящее время и супруга Андрея Львовича была отвлечена материнскими обязанностями. Кромѣ того, въ Ясной Полянѣ жилъ тогда Левъ Львовичъ съ женой и тестемъ своимъ, извѣстнымъ шведскимъ врачомъ Вестерлундомъ, въ лѣчебницѣ котораго когда-то Левъ Львовичъ получилъ полное исцѣленіе. Жила тогда въ Ясной Полянѣ и сестра Льва Николаевича, монахиня Марія Николаевна. Всѣхъ ихъ въ полномъ сборѣ я увидѣлъ только въ 4 часа за обѣденнымъ столомъ.

Насъ Левъ Николаевичъ позвалъ къ себѣ и показалъ свою послѣднюю работу по рабочему вопросу „Современное рабство“. Работа была уже совершенно закончена и отдана переписчику. На этотъ разъ переписчикомъ у Льва

Николаевича былъ какой-то больной алкоголикъ, которому Левъ Николаевичъ далъ у себя пріютъ, такъ какъ онъ всегда старался помогать несчастнымъ не деньгами, а, такъ сказать, натурой. Но писалъ онъ тихо, а статья должна была быть непремѣнно готова и за ней долженъ былъ пріѣхать изъ Москвы какой-то иностранецъ, которому Левъ Николаевичъ ее обѣщалъ. Мы съ Иваномъ Ивановичемъ явились во время, раздѣлили рукопись на три части и принялись ее переписывать.

Къ 12 часамъ работа уже подходила къ концу; мы напились кофе, къ которому позвала насъ Софья Андреевна, и вернулись еще разъ въ комнату переписчика, чтобы свѣрить копии по рукописи. Левъ Николаевичъ часто уходилъ въ свой кабинетъ и опять возвращался, помогаль намъ прочитывать неразборчивыя слова рукописи, а въ остальномъ намъ помогаль Иванъ Ивановичъ, отлично изучившій почеркъ Льва Николаевича. Къ часу все уже было готово, и мы всѣ, по приглашенію Льва Николаевича, отправились на рѣку купаться. Нѣкоторые сѣли въ шарабанъ, а мы пошли пѣшкомъ.

Левъ Николаевичъ не купался. Ему было запрещено. Вообще въ то время онъ уже сталъ чаще прихварывать. Разразившіяся въ концѣ этого и въ началѣ слѣдующаго года событія въ его жизни страшно подорвали его здоровье. Всѣ близкіе и дальніе его почитатели, вся Россія и весь міръ пережили не мало тревожныхъ минутъ въ опасеніи лишиться своего свѣточа и великаго учителя жизни.

Чуткость Льва Николаевича ко всѣмъ жгучимъ вопросамъ русской жизни во время его послѣдней болѣзни особенно обострилась. Прикованный къ постели, съ минуты на минуту ожидая собственной кончины, онъ торопился досказать свои послѣднія завѣщанія человечеству, которыя и высказывалъ въ небольшихъ статьяxъ и письмахъ. Въ это время русское общество все больше волновали вопросы воспитанія и образованія. Левъ Николаевичъ и по этимъ вопросамъ далъ неощѣнимыя указанія.

XII.

Восемь лѣтъ я не ѣздилъ въ Европейскую Россію, восемь лѣтъ я не видѣлъ друзей своихъ. Почувствовалась большая потребность отдохнуть тѣломъ и душой. И вотъ я въ Тулѣ. 2 часа ночи. Ъхать къ друзьямъ поздно. Рѣшилъ переночевать на вокзалѣ. Чтобы скоротать какъ-нибудь время до утра, а уснуть здѣсь негдѣ, я рѣшилъ послать нѣсколько открытокъ друзьямъ, роднымъ и знакомымъ, сообщить, что я прибылъ къ мѣсту благополучно. Подхожу къ вокзальному книжному кіоску, разсчитывая купить открытки съ портретами Л. Н. Толстого или какіе-нибудь Яснополянскіе виды, но увы, несмотря на то, что сегодня 1 августа, а 28-го въ Ясной Полянѣ состоится 80-лѣтній юбилей вели-

чайшаго генія прошлаго и настоящаго столѣтія, въ витринѣ, рядомъ съ грудой порнографической литературы и богатѣйшимъ ассортиментомъ такихъ же почтовыхъ открытокъ, на вокзалѣ не оказалось ни одного портрета Л. Н. Толстого, ни одного Яснополянскаго вида.

Чудное, свѣжее, осеннее солнечное утро. Дачный поѣздъ покатилъ меня къ станціи Засѣка. Направо и налѣво замелькали пріятно ласкающія глазъ картины роскошной лѣсной зелени и чудныхъ бархатныхъ зеленыхъ ковровъ, живописными откосами спускающихся къ глубоко прорытому полотну желѣзной дороги. Кругомъ художественно раскинулись живописными холмами вспаханныя или уже убранныя поля и лѣсныя заросли, небольшія дубовыя и березовыя рощи. Густыми шпалерами потянулась казенная засѣка. А тамъ на холмахъ, настоящимъ диссонансомъ къ этой чудной сельской гармоніи, стоятъ громады фабричныхъ зданій, черными силуэтами выступающія, какой-то причудливой формы зданія. Это чугунно-литейный заводъ Бельгійскаго общества, давно уже прекратившій свои работы. Еще нѣсколько минутъ и—ст. Засѣка. На станціи поѣздъ стоитъ только одну-двѣ минуты. Надо быстро выгрузиться. Желѣзнодорожная прислуга здѣсь удивительно привѣтлива и услужлива. Весь багажъ мой былъ моментально снесенъ и сложенъ въ комнаткѣ ламповщика.

Въ 10 часовъ утра я былъ уже на хуторѣ Т. Л-ны. Все здѣсь измѣнилось. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла изба М. А. Шмидтъ, выстроены рядъ новыхъ жилыхъ помѣщеній, новая изба для М. А., небольшой деревянный флигель для семьи Ив. Ив. Горбунова, еще рядомъ—изба для него же и еще какія-то постройки. Всѣ были въ сборѣ: Ив. Ив. Горбуновъ, жена его Елена Евгеньевна и четверо славныхъ ребятъ.

Вотъ и милая старушка Марія Александровна, бабушка Маня, какъ зовутъ ее дѣтишки Горбуновы, и еще разныя лица, родные, сотрудники Ив. Ив. За вещами М. А. послала своего Воронка, и черезъ часъ дѣтишки доставили мои вещи. Въ теченіе дня я познакомился съ положеніемъ дѣлъ въ „Посредникѣ“, узналъ новый составъ работниковъ, изъ нихъ много незнакомой мнѣ молодежи. Остались и прежніе. Нѣкоторые изъ нихъ живутъ въ Засѣкѣ, по дорогѣ въ Овсяники, на дачѣ Владиміра Григорьевича Черткова. Отдохнувъ основательно, мы на другой день отправились туда съ Ив. Ив. Горбуновымъ. В. Г. Чертковъ только что вернулся изъ-за границы, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ своей ссылки посвятилъ печатанію запрещенныхъ въ Россіи сочиненій Л. Н. Толстого и тщательному собиранію рукописей его сочиненій, дневниковъ, писемъ, замѣтокъ.

Въ эту поѣздку мнѣ удивительно посчастливилось. Въ нынѣшнее лѣто собралось вокругъ Л. Н-ча много его друзей, поклонниковъ, послѣдователей. Въ числѣ ихъ съѣхались нѣкоторые старые друзья по петербургской редакціи

„Посредника“ и размѣстились кто у Чертковыхъ, кто въ домѣ Толстыхъ, а кто въ деревнѣ у Яснополянскихъ крестьянъ.

Вообще здѣсь было очень людно. Вернувшись изъ ссылки, Владиміръ Григорьевичъ очень ревностно сталъ продолжать свое дѣло—тщательное собраніе всего, что написалъ и высказалъ Левъ Николаевичъ. Все, что можно издать въ Россіи, Владиміръ Григорьевичъ подготовлялъ къ немедленному изданію, а остальное предназначалось для за-границы. Здѣсь была настоящая лабораторія для подготовки къ печати произведеній Л. Н. Толстого. Цѣлый штатъ работалъ у Владиміра Григорьевича. Жилъ особый фотографъ-англичанинъ, при помощи котораго Вл. Гр. изготовилъ къ юбилейному дню серіи портретовъ Л. Н. и видовъ Ясной Поляны разнаго формата.

Во вторникъ, 5 августа, мы съ Ив. Ив. Горбуновымъ собрались въ Ясную Поляну. Рѣшили сначала зайти къ Николаевымъ, посидѣть тамъ до 7, а въ 7 къ Толстымъ.

Вотъ мы на станціи Засѣка, перешли полотно желѣзной дороги и поднялись вверхъ лѣскомъ по знакомой большой дорогѣ, гдѣ ровно 18 лѣтъ тому назадъ впервые я шелъ ко Льву Николаевичу, съ моей, нынѣ покойной, 6-лѣтней дочерью. Такой же теплый августовскій день, какъ и тогда, только послѣ жаркаго лѣта все было раньше убрано съ поля. Весело и бодро шагали мы съ Ив. Ив., который въ этотъ разъ былъ особенно словоохотливъ и рассказывалъ мнѣ много о Л. Н.—чѣ. Вотъ мы добрались до памятнаго многимъ пограничнаго столба, красовавшагося у подножія холмистаго поля, покато спускавшагося отъ Толстовскаго парка къ дорогѣ.

Вмѣсто красиваго фигурнаго столба съ орломъ, осталась груда кирпичей и камня.

Въ 7 часовъ вечера мы съ Ив. Ив. подходили къ дому Толстыхъ. Вотъ знакомая площадка передъ домомъ съ кругомъ зеленыхъ скамеекъ около круглаго зеленого стола, собирающаго лѣтомъ подъ тѣнь липъ все населеніе Яснополянскаго дома. Вотъ „дерево бѣдныхъ“, гдѣ и на сей разъ сидятъ два жалкихъ бѣдняка, дожидających подаванія. На деревѣ по-прежнему виситъ колоколъ, призывающій въ обѣденный часъ все населеніе къ столу. Мы поднялись по ступенькамъ знакомой лѣстницы во 2-й этажъ и очутились у дверей столовой, столько разъ гостепріимно раскрывавшихся для посѣтителей Л. Н.—ча.

Съ правой стороны обѣденнаго стола полулежалъ въ катальномъ креслѣ ¹⁾ Левъ Николаевичъ, а рядомъ съ нимъ Ф. А. Страховъ, М. А. Шмидтъ и Душанъ Петровичъ Маковицкій. Въ противоположномъ углу въ глубинѣ комнаты въ покойномъ креслѣ сидѣла старушка монахиня—

¹⁾ Л. Н.—чѣ тогда былъ боленъ закупоркой венъ въ ногахъ.

сестра Льва Н-ча, Марія Николаевна. На большомъ кругломъ столѣ съ высокой лампой подъ краснымъ абажуромъ разбросаны были книги, послѣднія новости литературы, фотографіи, стереоскопъ и стереограммы.

Я подошелъ къ Льву Николаевичу вмѣстѣ съ Ив. Ив. Горбуновымъ. Поздоровавшись со мной, Л. Н. сейчасъ же вспомнилъ меня и мои прежнія посѣщенія и первымъ дѣломъ спросилъ, сидѣлъ ли я въ тюрьмѣ, и со свойственной ему только одному непринужденной ласковостью сталъ спрашивать о моемъ служебномъ положеніи, семьѣ, дѣтяхъ, о каждомъ въ подробности, удивительно нѣжно обходя больныя мѣста; затѣмъ съ особеннымъ интересомъ сталъ спрашивать о такъ называемой Рѣпинской общинѣ близъ Ташкента. Затѣмъ какъ-то незамѣтно разговоръ перешелъ къ вопросамъ дня — къ литературнымъ событіямъ. Зашла рѣчь о новыхъ писателяхъ. Онъ сравнилъ ихъ съ писателями великой литературной эпохи: съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Достоевскимъ. Говорилъ онъ, съ какимъ наслажденіемъ беретъ въ руки Пушкина, какъ все свѣжо, а все отъ того, что у этихъ писателей было много чувства, любви. Они любили, выстрадали въ душѣ своихъ героевъ, а современные писатели—бѣдность содержанія стараются замѣнить формой. Зашла рѣчь о молодомъ писателѣ Леонидѣ Семеновѣ, рассказъ котораго о смертной казни, по настоянію Льва Николаевича, былъ отпечатанъ въ одной изъ книжекъ „Вѣстника Европы“.

Какъ ни казался съ виду бодръ и оживленъ Левъ Николаевичъ, ему пришлось два раза мѣнять свое положеніе въ креслѣ, а затѣмъ докторъ Маковицкій увезъ его въ спальню, но черезъ полчаса онъ опять вернулся и пробылъ съ нами до 9 часовъ вечера. Софія Андреевна стала очень волноваться, дѣлая уже не разъ намеки, что Л. Н. очень утомился, но онъ каждый разъ успокаивалъ ее. Когда Л. Н. увезли въ спальню, разговоръ перешелъ совсѣмъ на другія темы.

XIII.

Весь августъ мѣсяцъ—мѣсяцъ болѣзни Л. Н-ча—Ясная Поляна, Козловка-Засѣка и Овсяники—три пункта, гдѣ поселились на лѣто друзья Л. Н-ча, были полны жизни и движенія отъ ежедневныхъ посѣтителей изъ разныхъ концовъ Россіи, Европы и всего міра, которые размѣстились около трехъ центровъ. Только нѣкоторые счастливыцы попадали въ Ясную Поляну, другіе направлялись къ ближайшему другу Л. Н-ча, Вл. Гр. Черткову, или Ив. Ив. Горбунову.

Кому не удавалось утолить свою духовную жажду у первоисточника любви, тѣ шли къ друзьямъ Льва Николаевича и здѣсь получали свѣдѣнія о ходѣ его болѣзни, о послѣднихъ трудахъ Льва Николаевича и сильное разрѣшеніе наболѣвшихъ вопросовъ.

XIV.

Наступалъ день юбилея Л. Н—ча. Дальше въ своихъ воспоминаніяхъ я буду приводить выдержки изъ дневниковъ, которые я велъ въ августѣ мѣсяцѣ въ Овсяникахъ, и очень извиняюсь передъ читателемъ за нѣкоторыя повторенія, невольно вкравшіяся у меня, какъ послѣдствіе составленія этой работы въ разное время.

5 августа—получены письма отъ японца и отъ Эдиссона и присланъ для записи новый фонографъ.

10-го—раздавали крестьянамъ въ Ясной—косы, присланныя какимъ-то купцомъ изъ Москвы. Въ послѣобѣденное время гурьбой прибѣгали изъ деревни ребятишки, бабы, молодухи и назадъ возвращались съ звенящими въ рукахъ косами. Раздавалъ ихъ лакей Иванъ, наблюдавшій, чтобы на каждый дворъ попала одна коса.

12 августа—Посѣтили Ясную Поляну два священника: православный и армянскій. Приѣхалъ кинематографщикъ и просилъ у Л. Н. разрѣшенія снять его на ленту.

Утромъ Л. Н—чъ сообщилъ Александрѣ Львовнѣ, что 2 послѣднихъ номера „Круга Чтенія“ закончены. „Теперь можно“... Левъ Николаевичъ не докончилъ, но они поняли другъ друга.

13 августа.—Въ ночь на 13 августа Левъ Николаевичъ попросилъ морфія. Душанъ Петровичъ сдѣлалъ ему впрыскиваніе, и онъ крѣпко спалъ. Утромъ проснулся и сталъ убѣждать, что не знаетъ даже, которая нога у него болитъ, такъ что возбудилъ въ душѣ Н. Н. Гусева увѣренность, что ему лучше, но вскорѣ опять уснулъ.

Приѣхалъ Никитинъ, нашелъ положеніе Л. Н. очень серьезнымъ. Опасается воспаленія въ легкомъ. Онъ нашелъ, что для ноги Л. Н—ча нужно хирургическое лѣченіе и вытребовалъ изъ Москвы специалиста. Сегодня вечеромъ В. Г. Чертковъ и А. М. Хирьяковъ отправились въ Ясную Поляну. Получено извѣстіе о приѣздѣ хирурга. Хирургъ нашелъ положеніе Л. Н—ча не такъ безотраднымъ. Отмѣнилъ прежнее лѣченіе, т. е. компрессы изъ льда. Левъ Николаевичъ занимался.

14 августа.—Изъ Риги, Кіева и Одессы опять получены запросы отъ кинематографщиковъ съ просьбой снять его для кинематографа.

Д-ръ Мартыновъ высказалъ свое мнѣніе, что при самомъ благопріятномъ теченіи болѣзни Л. Н. не можетъ раньше мѣсяца встать съ постели. А рядомъ съ этимъ извѣстно, что такое положеніе легко можетъ вызвать воспаленіе въ легкомъ, что очень опасно для такого старика и чего особенно боятся здѣсь.

15 августа.—Вернулась изъ Ясной М. А. Шмидтъ. Л. Н. съ вечера попросилъ у Душана Петровича морфія. Проснулся сегодня въ 4 часа утра, въ 6 часовъ работалъ и записалъ въ своей книжкѣ 8 страницъ. Душанъ Петровичъ измѣрилъ температуру—36,7. Л. Н. чувствовалъ себя сначала бодро, но скоро его опять потянуло ко сну. Просилъ, чтобы съ утра никто его не беспокоилъ, такъ какъ онъ очень хочетъ соснуть. Хирургъ Мартыновъ, Никитинъ и Маковицкій составили сегодня бюллетень, который отослали въ двѣ московскія газеты. Льва Николаевича по-прежнему беспокоятъ.

16 августа.—Утромъ отправился на станцію за почтой. Проходя мимо Чертковыхъ, встрѣтилъ А. М. Хирьякова и отъ него узналъ, что у Чертковыхъ собралось много народу, прибывшаго съ утра. Не спрашивая, прошелъ дальше. Спускаясь внизъ къ станціи, у подъема кверху, вижу, небольшая группа туристовъ: мужчина, дама и трое дѣтишекъ. Пристально всматриваюсь въ бородатое лицо мужчины: батюшки, да это Бирюковъ, Павелъ Ивановичъ! Бросились обнимать другъ друга. Не видались одиннадцать лѣтъ со времени высылки его за границу. Онъ познакомилъ меня со своей супругой, которую я видѣлъ только на фотографической группѣ, изображающей друзей Черткова и Бирюкова, собравшихся со Л. Н. Толстымъ въ Петербургъ провожать ихъ передъ отправленіемъ въ ссылку. Я оставилъ ихъ идти къ Чертковымъ, а самъ пошелъ на почту. Къ обѣду я вернулся домой, а къ 2-мъ часамъ явилась изъ Засѣки молодежь: Леонидъ Семеновъ, Сергѣй Булыгинъ и еще молодой чловѣкъ въ соломенной шляпѣ. Напились у насъ чаю, и мы проводили ихъ до Засѣки. По дорогѣ мы разговорились нѣсколько съ Семеновымъ. Ему 27 лѣтъ, онъ нѣсколько лѣтъ уже пишетъ, написалъ нѣсколько рассказовъ, сборникъ декадентскихъ стихотвореній, принадлежалъ къ эсеровской организаціи и привлекался по какому-то дѣлу, годъ отсидѣлъ въ тюрьмѣ и былъ оправданъ. Бросилъ писательскую дѣятельность, усомнившись въ необходимости и полезности ея. Сблизился съ писателемъ Добролюбовымъ, тоже бывшимъ декадентомъ и находился подъ усиленнымъ вліяніемъ его міровоззрѣнія. Л. Семеновъ одѣвается и держитъ себя настоящимъ деревенскимъ рабочимъ, ходитъ въ синей рубахѣ, въ длинной, подъ скобку прическѣ, знаетъ и любитъ крестьянскую работу и весь отдается ей. Узнавъ, что я изъ Ташкента, онъ сталъ внимательно спрашивать меня о бабизмѣ и бабидахъ; онъ знакомъ съ этимъ ученіемъ по книгѣ Беха Уллы „Китабе-Акдесъ“ въ переводѣ Туманскаго. (Извѣстный востоковѣдъ и знатокъ бабизма, прослужившій долго въ Закаспіи).

17 августа.—Сегодня въ 5 часовъ вечера приѣзжалъ къ намъ на полчаса Никитинъ и сообщилъ пріятную новость, что Левъ Николаевичъ на пути къ выздоровленію, что сегодня вечеромъ онъ, самъ Никитинъ, уѣзжаетъ въ Москву. Се-

годня въ 12 час. дня отправился въ Ясную Поляну П. И. Бирюковъ, которому вчера вечеромъ не удалось повидать Льва Николаевича. Софія Андреевна не пожелала его допустить.

18 августа.—П. И. Бирюковъ вернулся вчера поздно вечеромъ. Сегодня ходили въ Засѣку. По дорогѣ онъ разсказалъ, мнѣ о посѣщеніи Льва Николаевича. Ему удалось посидѣть съ нимъ полчаса.

Л. Н. закончилъ „Малый кругъ чтенія“ и читалъ ему сейчасъ только составленный отвѣтъ писателю Шоу, который прислалъ ему свой трудъ „Настольная книга для революціонера“, въ которой тотъ предаетъ безпощадной критикѣ современный строй, а въ положительной части своего труда проповѣдуетъ Ницшеанскую теорію. Левъ Николаевичъ отвѣтилъ, что ему очень понравилась первая (отрицательная) часть его труда, но что со второй онъ не можетъ согласиться, что лучшаго выхода, какъ христіанское ученіе, онъ не находитъ для человѣчества.

Кромѣ того, Левъ Николаевичъ прочелъ ему свой отвѣтъ на письмо какого-то индійскаго ученаго и публициста, стремящагося по-европейски цивилизовать свою страну, т. е. дать ей конституцію, парламентаризмъ и т. д. Левъ Николаевичъ писалъ, что не имѣя, индусамъ, мѣнять свои великія, мудрыя ученія на западную культуру, съ ея развратомъ, дурманомъ, излишествами и пр., и совѣтуетъ лучше вернуться ко всему тому, чему учатъ ихъ великіе вѣроучители.

По дорогѣ въ Засѣку мы узнали о пріѣздѣ молодого болгарина—Досева. И тутъ же на ходу Павелъ Ивановичъ разсказалъ мнѣ объ этомъ очень интересномъ человѣкѣ.

Въ Болгаріи, говорилъ Павелъ Ивановичъ, гдѣ кстати полная свобода печати, давно стали появляться всѣ произведенія Льва Николаевича, и отъ времени до времени появлялись сильныя натуры, которыя вели не только широкую пропаганду и распространяли въ народѣ ученіе Льва Николаевича, а и сами пытались осуществлять христіанскую трудовую жизнь. Однажды къ Бирюкову въ Швейцарію явился юноша, очень освѣдомленный въ произведеніяхъ Льва Николаевича; онъ выразилъ желаніе познакомиться съ Павломъ Ивановичемъ и долго прожилъ въ близкомъ общеніи съ нимъ, Е. И. Поповымъ и Вульфъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ другими болгарскими единомышленниками заарендовалъ клочекъ земли въ Швейцаріи, вблизи виллы Т. Л. Толстой, и организовалъ небольшую христіанскую общину. Затѣмъ онъ вернулся на родину и занялся дѣятельной пропагандой идей Толстого. Въ его переводѣ стали появляться всѣ новыя произведенія Толстого, вскорѣ онъ сталъ издавать свой болгарскій журналъ „Возрожденіе“, и вотъ теперь его потянуло въ Ясную Поляну повидать Льва Николаевича въ его великую годовщину, а также и своихъ русскихъ единомышленниковъ.

Вернулись мы изъ Засѣки въ Овсяники къ обѣду и здѣсь застали Л. Семенова. Послѣ обѣда Марія Александровна позвала насъ къ себѣ чай пить. Здѣсь въ общей бесѣдѣ сталъ общительнѣе и Л. Семеновъ. Я пришелъ въ избу въ моментъ, когда онъ съ особеннымъ умиленіемъ разсказывалъ о хлыстовскомъ ученіи, о скопцахъ духовныхъ и тѣлесныхъ. Онъ имѣлъ случай близко познакомиться съ духовной стороной ихъ ученія. Они полюбили его и охотно приняли и посвятили въ свое согласіе—корабль. Изъ всѣхъ сектантскихъ ученій, по его словамъ, они ближе всего подходятъ къ духовному пониманію ученія Христа. По ихъ ученію Христосъ не только явился въ міръ девятнадцать столѣтій тому назадъ, но можетъ являться всегда между людьми, если они воплотятъ въ себѣ его божественное ученіе. Въ лицѣ своихъ наставниковъ, великихъ подвижниковъ, они величаютъ Христа.

Л. Семеновъ разсказалъ мнѣ нѣкоторыя подробности изъ своего прошлаго. Въ университетѣ онъ примкнулъ къ крестьянскому союзу, три раза былъ посаженъ въ тюрьму, въ общемъ просидѣлъ больше года. Отъ писательской дѣятельности онъ отказался, считая ее вредной.

Послѣ обѣда, въ то время какъ я писалъ дневникъ, изъ окна видна была картина — четыре косца: впереди Л. Семеновъ, очень напоминающій своей внѣшностью Алешу Карамазова, студентъ горнаго института Рябовъ, „Великанъ“ (по кличкѣ дѣтей Горбунова), а по фамиліи, кажется. Жихаревъ; цѣплъ замыкалъ молодой болгаринъ Досевъ. Я очень сожалѣлъ, что у насъ подъ рукой не было фотографическаго аппарата, чтобы снять ихъ.

Вечеромъ приходилъ къ намъ прощаться Леонидъ Семеновъ. Въ этотъ разъ онъ былъ довольно словоохотливъ и разсказалъ очень много интереснаго изъ своего недалекаго (ему всего только 27 лѣтъ), но чрезвычайно поучительнаго прошлаго. Онъ уже года три странствуетъ по разнымъ сектантскимъ уголкамъ Россіи, въ особенности въ Симбирской, Калужской и Орловской губерніяхъ, между скопцами, хлыстами, бѣгунами. Часто и подолгу приходилось ему наниматься въ батраки, въ рабочіе на фабрики. Всего интереснѣе нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ на копияхъ. Желая дисциплинировать свой духъ, который смиряется въ особенности на самыхъ тяжелыхъ и изнурительныхъ работахъ, онъ работалъ по недѣлямъ въ самой ужасной, душной атмосферѣ, ползая на четверенькахъ, по колѣни въ водѣ, толкая, согнувшись по поясъ, въ подземныхъ галлереяхъ вагонетки съ углемъ. Но онъ не выдержалъ этого искуса и бѣжалъ не столько отъ изнурительнаго труда, сколько отъ ужасной атмосферы пьянства, разврата, изувѣрства и всѣхъ ужасовъ шахтерской жизни. Во всѣхъ своихъ разсказахъ онъ часто и съ умиленіемъ возвращался къ брату Александру, котораго онъ очень высоко ставитъ. (По завѣреніямъ Ив. Ив.

Горбунова, онъ даже всѣми своими движеніями и манерой держаться очень напоминаетъ своего учителя Добролюбова). Они оба прошли одну и ту же декадентскую школу поэзіи, оба ушли въ мистицизмъ и въ сектантскую жизнь.

Л. Семеновъ въ этотъ пріѣздъ времени нѣсколько разъ былъ у Л. Н—ча, много и душевно бесѣдовалъ съ нимъ. По словамъ Л. Семенова, въ этихъ бесѣдахъ онъ почувствовалъ большую духовную близость ко Льву Николаевичу.

XIV.

28 августа. Яркое, солнечное утро; солнце озарило великолѣпныя „лѣсныя дали“, открывающіяся съ высокихъ холмовъ Засѣки, такъ точно воспроизведенныя на полотнѣ Шишкинымъ, когда-то работавшимъ здѣсь вмѣстѣ съ художникомъ Крамскимъ. Въ одиннадцать утра мы приближались къ Ясной въ телѣжкѣ вмѣстѣ съ И. И. Горбуновымъ и вели бесѣду съ нанятымъ въ Овсяникахъ крестьяниномъ Павломъ о предстоящемъ сегодня великомъ всемірномъ праздникѣ. Видимо и онъ, такъ же, какъ и мы, переживалъ значеніе переживаемаго нами великаго историческаго дня, гордясь, какъ и мы, что добрый рокъ пріобщилъ насъ и поставилъ такъ близко къ этому источнику свѣта, любви и истины. Пріѣхалъ въ Ясную и, помня просьбу графини Софіи Андреевны не беспокоить Льва Николаевича въ виду его тяжелой болѣзни личными поздравленіями, я рѣшилъ не ѣхать въ графскій домъ и отправился на деревню къ нашему другу С. Д. Николаеву.

Здѣсь я провелъ весь день; сюда отъ времени до времени получалъ вѣсти изъ усадьбы, раскинувшейся на противоположномъ холмѣ, отдѣленной отъ нашей избы глубокимъ зеленымъ оврагомъ. Къ часу намъ было уже извѣстно, что, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ адресовъ, въ этотъ день получено нѣсколько сотъ телеграммъ и писемъ. Это былъ настоящий праздникъ для мелкихъ служащихъ двухъ ближайшихъ маленькихъ желѣзнодорожныхъ станцій, гдѣ за каждое письмо взимается въ пользу служащихъ по 3 коп.

Несмотря на такой торжественный день, нашъ великій старецъ началъ свой рабочій день усидчивымъ трудомъ. Въ этотъ день онъ написалъ 18 „мыслей“ для „Малаго круга чтенія“.

Съ утра стали съѣзжаться родные. Пріѣхали сыновья Льва Николаевича—Сергѣй, Илья, Андрей и Михаилъ съ женами, М. А. Стаховичъ, В. Г. Чертковъ, И. И. Горбуновъ, піанистъ Гольденвейзеръ съ женой и др. Во дворѣ появились фотографы. Левъ Николаевичъ появился на балконѣ, а возлѣ него Софія Андреевна и сыновья. И вотъ заработали фотографы любители и профессионалы, навели свои мирныя орудія, чтобы потомъ разнести по сотнямъ россійскихъ и

европейскихъ электротеатровъ фигуру сидящаго въ креслѣ большого старца юбиляра, окруженнаго семьей.

Послѣ завтрака началось чтеніе привѣтствій. Было прочитано привѣтствіе Общества ревнителей россійской словесности, гдѣ была приведена выдержка изъ пророческой отвѣтной рѣчи Хомякова-отца на программную рѣчь Л. Н. Толстого, прочитанную сорокъ съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ при вступленіи Л. Н. въ члены общества. Читали красиво написанное привѣтствіе О-ва дѣятелей періодической печати, привѣтственное письмо отъ португальскихъ писателей. Удивительно трогательный адресъ 53 офиціантовъ петербургскаго театра „Фарсъ“. Строго выдержанный адресъ англичанъ, переплетенный въ великолѣпную бѣлую кожаную съ тисненіями папку, гдѣ вписаны были 700 подписей съ выдающимися именами мыслителей, философовъ, литераторовъ, художниковъ, скульпторовъ, театральныхъ и музыкальных артистовъ, пѣвцовъ, духовныхъ особъ, крестьянъ и рабочихъ, сектантовъ и разныхъ именитыхъ гражданъ. Затѣмъ пошли многочисленныя адреса земствъ, городовъ, университетовъ, разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, о-ва пособія нуждающимся слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ и т. д.

Затѣмъ приступлено было къ чтенію телеграммъ. Это дѣло взялъ на себя графъ Андрей Львовичъ, но, не успѣвъ прочесть и 300 телеграммъ, онъ до того усталъ, что у него, что называется, сталъ заплетаться языкъ. Левъ Николаевичъ въ 4 часа удалился въ свою комнату отдохнуть передъ обѣдомъ.

Въ этомъ дивномъ всесвѣтномъ калейдоскопѣ восторженныхъ привѣтствій, положительно опьяняющихъ своимъ потокомъ слушателя, какихъ только не было лицъ и народовъ, возрастовъ, положеній и состояній! Вотъ телеграмма двухъ православныхъ священниковъ, какого то католическаго ксендза, называвшаго Льва Николаевича „великимъ искателемъ Бога“; какое то театральное общество начинаетъ свое привѣтствіе словами: „Боже, Толстого храни...“ Затѣмъ пошли трогательныя и многочисленныя телеграммы отъ рабочихъ разныхъ заводовъ, очень умно и прочувствованно составленныя, робкія и неумѣлыя, но не менѣе трогательныя телеграммы отъ крестьянъ. Былъ пакетъ отъ одного изъ членовъ царствующаго дома.

Въ 7 часовъ состоялся семейный обѣдъ, за которымъ постороннихъ лицъ было очень немного. Л. Н. присутствовалъ тутъ же въ залѣ, сидя въ своемъ передвижномъ креслѣ, такъ чтобы ему видны были всѣ обѣдающіе. Въ серединѣ обѣда всѣ присутствующіе поднялись, привѣтствуя Л. Н.—ча, который отвѣтилъ нѣсколькими сердечными словами. Ив. Ив. Горбуновъ-Посадовъ обратился къ графинѣ съ привѣтствіемъ, въ которомъ онъ особенно подчеркнул чувство благодарности, которое общество должно питать къ ней за то, что она своей

неусыпной заботливостью о здоровьи Л. Н—ча сохранила его для всѣхъ любящихъ его.

Для полноты картины я долженъ отмѣтить трогательную сцену, которая произошла еще утромъ при встрѣчѣ Ив. Ив. Горбунова съ Львомъ Николаевичемъ. Этотъ нѣжный другъ Льва Николаевича, третій десятокъ лѣтъ работающій для распространенія въ народѣ его произведеній въ качествѣ сотрудника и редактора „Посредника“, преисполненный избыткомъ чувства, подошелъ къ нему, обнялъ, поцѣловалъ и сказалъ: „Я не въ силахъ сейчасъ ничего сказать вамъ, дорогой Левъ Николаевичъ“.—„Конечно, конечно, Ив. Ив., мы съ вами такъ близки, какъ нельзя быть ближе, слова ничего не могутъ сказать къ этому“.

Въ 7 часовъ вечера, когда обѣдъ былъ уже конченъ, и я рѣшился отправиться къ Льву Николаевичу передать привѣтствіе отъ себя и отъ далекихъ туркестанскихъ друзей.

Былъ чудный теплый вечеръ, озаренный мягкимъ свѣтомъ луны, когда я спустился въ оврагъ и снова поднялся наверхъ къ большимъ каменнымъ строеніямъ, гдѣ помѣщаются конюшни, людская, овины, и откуда черезъ тѣнистый садъ прошелъ мимо каменнаго флигеля, гдѣ Левъ Николаевичъ когда то занимался съ крестьянскими дѣтьми, и подошелъ къ ярко освѣщенному дому. Со мною вмѣстѣ пришелъ Христо Досевъ. Вынырнувъ изъ густой темной аллеи, мы подошли къ крытой террасѣ, гдѣ собралась масса молодежи, желавшей повидать Льва Николаевича, но не рѣшавшейся подняться наверхъ. Поднявшись по лѣстницѣ на верхнюю площадку вестибюля, я увидѣлъ въ открытыя направо и налево двери множество народу. Въ столовой только что убрана была обѣденная сервировка. Въ глубинѣ комнаты у круглаго стола собралось много дамъ и мужчинъ, сыновья Толстого и ихъ жены, гости.

Кругомъ все полно праздничнаго настроенія. На роялѣ стоитъ большой отлично воспроизведенный фотографическій портретъ Маріи Львовны. Тутъ же рядомъ небольшая акварель—копія знаменитой картины Рѣпина „Толстой за плугомъ“. Всмотрѣвшись внимательно, убѣждаешься, что картина вышита шелками. Вотъ портретъ Л. Н—ча, гдѣ вся фигура искусно заполнена какимъ-то текстомъ. Это оказывается, рассказъ Толстого „Богъ правду видитъ“. А за нимъ, какъ транспарантъ, просвѣчиваетъ очень хорошо исполненный его портретъ.

А вотъ всѣмъ извѣстный уже никелевый самоваръ, поднесенный официантами театра „Фарсъ“. Пройдя на другую сторону площадки, я увидѣлъ въ первой комнатѣ группу мужчинъ и дамъ, рассматривавшихъ адреса, собранные всѣ въ деревянной коробкѣ. Въ этой группѣ находился М. А. Стаховичъ, переводившій текстъ англійскихъ адресовъ. Особенное вниманіе присутствовавшихъ привлекъ скромный по внѣшности, но очень близкій Л. Н. по духу адресъ австралій-

скихъ джорджистовъ. А во второй комнатѣ, гдѣ помѣщается секретарь Л. Н., Н. Н. Гусевъ, сидѣлъ за грудой телеграммъ Ив. Ив. Горбуновъ, взявшій на себя трудъ выбрать лучшія изъ нихъ для ознакомленія съ ними друзей и почитателей Л. Н. Вообще И. И. предстояла очень трудная задача разобраться въ этомъ морѣ телеграммъ, писемъ и привѣтствій. Вѣдь для того, чтобы прочесть все это, понадобились бы цѣлые дни.

Повернувъ обратно, я увидѣлъ въ открытую дверь, что Левъ Николаевичъ уже въ столовой, въ той половинѣ ея, гдѣ развѣшены портреты дочерей. Левъ Николаевичъ игралъ партію въ шахматы съ Гольденвейзеромъ и весь погрузился въ игру. Я присѣлъ въ сторонѣ и, выбравъ удобный моментъ, когда онъ откинулся на спинку кресла, подошелъ къ нему и поздравилъ его отъ себя и отъ туркестанскихъ друзей. Онъ любезно, ласково посмотрѣлъ на меня и пожалъ мнѣ руку. Партія въ шахматы кончена. Когда всѣ замѣтили, что Левъ Николаевичъ освободился, то моментально грудой собрались впереди него, амфитеатромъ разставивъ стулья. на свободномъ мѣстѣ. Впереди сидѣлъ М. Стаховичъ, сыновья Л. Н. и его друзья. Шелъ разговоръ объ именахъ англійскихъ литераторовъ, подписавшихъ адресъ. Оказалось, что въ списокъ ихъ не было имени Киплинга. Левъ Николаевичъ освѣдомился насчетъ художника Рѣпина, была ли отъ него телеграмма. Видимо, Л. Н.-чу очень дорога и желанна память этого старого друга-художника.

Идетъ разговоръ вообще объ адресахъ. С. Д. Николаевъ напоминаетъ объ особенно выдающемся адресѣ соединенныхъ джорджистовъ изъ Австраліи и тутъ же подаетъ Л. Н.-чу прочесть еще разъ только что переведенный имъ съ англійскаго текстъ. Л. Н. зоветъ секретаря Н. Н. Гусева и тутъ же въ присутствіи всѣхъ диктуетъ по-русски отвѣтъ австралійцамъ. Отвѣтъ въ англійскомъ переводѣ будетъ немедленно отосланъ. Потомъ Л. Н. вспомнилъ про небольшую статью по поводу его 80-лѣтія въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ, повернулся въ креслѣ, а ужъ сзади за нимъ, Д. П. Маковицкій со свѣчей въ рукѣ, протягиваетъ журналъ. Л. Н. прочелъ по-русски отчеркнутое имъ мѣсто, гдѣ авторъ даетъ необыкновенно высокую оцѣнку русской литературѣ, считаетъ ее единственной литературой, стремящейся поднять духовно человѣка, и дѣлаетъ очень невыгодное сравненіе для литературы европейскихъ.

Къ 10 часамъ вечера на лицѣ Л. Н.—ча послѣ столькихъ пережитыхъ имъ въ теченіе этого дня волненій, появились признаки утомленія. Друзья замѣтили это, стулья задвигались и всѣ тихо поднялись со своихъ мѣстъ. Л. Н. оглянулся въ сторону Гольденвейзера и обратился къ нему съ ласковой просьбой сыграть что-нибудь. Крышка рояля поднята, всѣ смолкли, и поднялись чудные звуки мелодичнаго этюда Шопена. Л. Н. попросилъ сыграть еще что-нибудь, и артистъ сыгралъ еще этюдъ Шопена, бурный этюдъ, который любилъ

исполнять Н. Рубинштейнъ. Во время игры кресло Л. Н-ча откатали въ уголъ комнаты, переднимъ колесомъ къ дверямъ спальни. Когда замерли послѣдніе звуки этюда, М. Стаховичъ подошелъ къ креслу Л. Н-ча и укатилъ его въ спальню.

Такъ кончился этотъ историческій великій день.

Нѣкоторые изъ друзей Льва Николаевича еще оставались въ Ясной, другіе разъѣхались, кто въ Засѣку, кто въ Овсяники, а кто и дальше.

29 августа, въ пятницу, на ст. Засѣка уже поджидали Яснополянскаго курьера, Фильку, 130 писемъ и 25 телеграммъ, да столько же въ Ясенкахъ. Но главная волна шла черезъ Тулу. Въ день юбилея тульскій почтовый чиновникъ привезъ въ линейкѣ 900 телеграммъ, а къ вечеру число ихъ возросло до 2100. Въѣдъ за этими тысячами писемъ, телеграммъ и адресовъ стояли сотни тысячъ, а можетъ быть и милліоны друзей, читателей, почитателей и послѣдователей Л. Н-ча.

Справляясь у В. Г. Черткова о здоровьи Л. Н., я узналъ, что въ этотъ день онъ чувствовалъ себя еще лучше, чѣмъ 28-го, сходилъ съ кресла и сдѣлалъ небольшую прогулку по комнатѣ и усиленно работалъ. Секретарь Н. Н. Гусевъ не успѣвалъ расшифровывать продиктованное, а ремингтонистка печатать. Посѣтителы и паломники продолжаютъ являться. Вотъ пришли какихъ-то двое народныхъ учителей, пострадавшихъ въ революціонные дни. Изъ Москвы и съ Дона пришли два молоканина, отецъ и сынъ.

Мистеръ Райтъ, делегатъ изъ Англіи, еще не уѣхалъ, онъ дожидается отвѣта Л. Н. Я бесѣдовалъ съ нимъ вечеромъ по поводу пережитаго торжества. Онъ согласился съ моимъ мнѣніемъ, что человѣчество еще не знало подобнаго торжества духа. Исторія по его словамъ не знаетъ примѣра, чтобы цѣлые народы посылали литератору-юбиляру делегатовъ съ поздравленіями.

Накопилась груда поздравленій и привѣтствій и чтобы разобратъ въ ней, придется потратить много-много времени. Она дастъ вѣроятно интересныя главы къ біографіи Л. Н. Голстого.

XV.

20 сентября. Вернулся сегодня изъ Петербурга—Москвы. Опять у Горбуновыхъ. Завтракъ. Обѣдъ. Отправляюсь пѣшкомъ въ Ясную, прямо къ Д. П. Маковицкому. Онъ пригласилъ меня наверхъ выпить чаю. Наверху встрѣчаю Н. Н. Ге (сына художника) и Булыгина.

Собираются къ столу. Приѣхалъ В. Г. Чертковъ. Сѣли за столъ. Левъ Николаевичъ обѣдалъ съ нами въ своемъ же креслѣ. Я здороваюсь съ нимъ, передаю привѣтъ отъ И. М. Трегубова. Передаю свои впечатлѣнія о Петербургѣ, свирѣпствовавшей тамъ холерѣ, о военныхъ судахъ. Зашла рѣчь о декадентствѣ въ литературѣ. Левъ Николаевичъ прочелъ

намъ какое-то декадентское стихотвореніе. Вспомнилъ стихотворенія своего друга поэта Фета и его склонность къ декаденству. Цитировалъ какое-то его стихотвореніе и обратился къ Софѣ Андреевнѣ подсказать забытое мѣсто.

Перехожу къ своему посѣщенію Третьяковской галлерей, останавливаюсь въ особенности на двухъ послѣднихъ комнатахъ, посвященныхъ специально декадентству въ живописи. Н. Н. Ге говоритъ, что родина декаденства въ живописи сѣверные народы—Норвегія, Финляндія.

Юбиляру англичанинъ прислалъ старинную реставрированную картину нѣмецкаго художника. Когда вскрывали картину, кто-то въ шутку высказалъ предположеніе, нѣтъ ли бомбы. Льву Николаевичу я передалъ, что въ Петербургѣ успѣлъ собрать нѣкоторые юбилейные номера польскихъ журналовъ и познакомилъ его съ содержаніемъ статьи въ журналѣ, откликъ на статью „За что“? Левъ Николаевичъ вспомнилъ о своемъ прежнемъ отношеніи къ полякамъ, недостаточно христіанскомъ, „а теперь у меня явился особый приливъ нѣжности къ польскому народу“, что и вылилось въ этомъ разсказѣ.

Н. Н. Гусевъ пригласилъ послѣ обѣда насъ къ себѣ въ кабинетъ почитать письма. Ихъ получено въ этотъ день больше десяти. Есть по обыкновенію просительныя. На конвертѣ секретарь отмѣчаетъ: „просительное“, „привѣтственное“, „ругательное“ и проч. Н. Н. Гусевъ прочелъ письмо депутата Государственной Думы Френкеля изъ Костромы о повѣщенныхъ 28 августа политическихъ, о протестѣ сосѣдней камеры и послѣдовавшемъ наказаніи буйной камеры.

Н. Н. Гусевъ разсказалъ намъ о своемъ арестѣ, какъ онъ былъ на допросѣ у начальника охраны въ Тулѣ и какъ его отпустили домой; какъ Левъ Николаевичъ писалъ письмо жандармскому офицеру и прочелъ намъ содержаніе этого письма.

В. Г. Чертковъ зашелъ попрощаться съ нами, уѣхалъ въ Телятинки и обѣщалъ прислать за мной лошадь, предлагая переночевать у нихъ. Я началъ прощаться съ семьей Льва Николаевича. Софія Андреевна указала мнѣ комнату и предложила пройти къ нему въ кабинетъ. Прохожу черезъ малую гостиную и стучу въ дверь. „Войдите!“. Левъ Николаевичъ одинъ отдыхаетъ въ креслѣ. Встрѣтилъ меня теплой привѣтливой улыбкой и снова заговорилъ про семью мою, дочерей и сына, на какомъ онъ факультетѣ. Куда ѣду, откуда возвращаюсь. Въ комнату входитъ Софія Андреевна и напоминаетъ Льву Николаевичу, что ему слѣдуетъ принять ванну: два дня не принималъ. „Ты забылъ совѣты Душанъ Петровича“. Ясно, что это было для меня напоминаніе. Съ грустью вижу, что пора уже разстаться, какъ ни хотѣлось еще нѣсколько минутъ послушать этого добраго, нѣжно-любящаго ласковаго старца. На прощаніе Л. Н. трогательно, нѣжно обнялъ и сказалъ мнѣ, что я близокъ ему. У подъѣзда ждала меня лошадь, и я уѣхалъ въ Телятинки.

XVI.

Послѣдній разъ я посѣтилъ Ясную Поляну почти наканунѣ смерти Льва Николаевича Толстого.

Пока Льву Николаевичу доложили о нашемъ прїѣздѣ, мы поднялись наверхъ. Въ столовой застали Александру Львовну, Душана Петровича Маковицкаго и В. М. Феоктистову. Вскорѣ пришелъ и Левъ Николаевичъ. Началась оживленная бесѣда. Я прежде всего поблагодарилъ Льва Николаевича за сдѣланную имъ запись (въ дѣйствительности не запись, а цѣлую статью о вегетаріанствѣ) въ нашъ ташкентскій вегетаріанскій альбомъ, хранящійся въ столовой „Безубойное питаніе“.

Затѣмъ я подѣлился впечатлѣніями о моей недавней поѣздкѣ въ Куоккала, гдѣ я посѣтилъ художника Рѣпина. Наскоро передавая нѣкоторыя подробности изъ жизни художника, я разсказалъ весь оригинальный церемоніаль на вегетаріанскихъ обѣдахъ, во время которыхъ не пользуются прислугой, и гости и хозяева служатъ сами себѣ. Упомянулъ о хозяйкѣ дома, пишущей подъ псевдонимомъ Сѣверовой, авторѣ нашумѣвшей брошюры „Слѣдуетъ раскрѣпостить прислугу“ и недавно вышедшей книги „Интимныя страницы“. Передалъ Льву Николаевичу содержаніе двухъ, еще не вполне законченныхъ, картинъ Рѣпина „Освободительная волна“ и „Царско-сельскіе годы А. С. Пушкина“. Разсказалъ о своемъ посѣщеніи въ Петербургѣ собранія трезвенниковъ и дѣятельности извѣстнаго брата Ивана Чурикова. Потомъ бесѣда незамѣтно перешла на туркестанскія темы.

Не первый разъ Левъ Николаевичъ интересуется Туркестанскимъ краемъ, мусульманскимъ населеніемъ, его высокотрезвенными качествами, своеобразной хлопковой культурой, плодоводствомъ, ирригаціей...

Заинтересовало Льва Николаевича бабидское движеніе въ Закаспіи. Затѣмъ зашла рѣчь объ извѣстномъ отшельникѣ, поэтѣ-декадентѣ Добролюбовѣ, о его многочисленныхъ послѣдователяхъ среди крестьянъ Самарской губерніи, о его молчаливостѣ и вообще о вліяніи его на окружающую среду.

Когда разговоръ перешелъ къ туркестанскимъ дѣятелямъ, я разсказалъ о супругахъ Наливкиныхъ, ихъ оригинальныхъ методахъ изученія быта туземцевъ, объ ихъ опрощеніи, земледѣльческомъ трудѣ въ Нанайскомъ кишлакѣ. Съ теплымъ участіемъ разспросилъ Левъ Николаевичъ о моей семьѣ, дѣтяхъ, спросилъ, на какіе курсы поступили мои дочери и сынъ. И все слушалъ Левъ Николаевичъ съ большимъ интересомъ. Вскорѣ изъ своей комнаты вышла Софія Андреевна. Поздоровавшись съ нами, она ввела насъ въ курсъ своего издательскаго дѣла.

Оказывается, она была занята сейчасъ подготовленіемъ къ печати изданія полного собранія сочиненій Льва Николаевича. Сюда должно было войти все, кромѣ „Полнаго изслѣдованія евангелія“ и „Гдѣ выходъ?“ Понятно, „Воскресеніе“ безъ главы о богослуженіи. Кое-гдѣ предполагалось выпустить опасныя мѣста. Очень интересныя свѣдѣнія сообщила мнѣ Софія Андреевна объ открытыхъ ею вариантахъ рукописи. „Дѣтство, отрочество и юность“. Она передала, что редакция „Современника“ и тогдашняя цензура сдѣлали безжалостныя купюры въ этомъ произведеніи. Въ редакціи „Современника“ рукопись оказалась затерянной. По счастью, С. А. нашла дома черновики Льва Николаевича и въ настоящее время имѣетъ возмож ость параллельно съ извѣстнымъ уже текстомъ, возстановить въ полномъ собраніи прежній текстъ. Отъ этого произведеніе только выиграетъ въ художественномъ отношеніи. „Вѣдь я не для себя стараюсь“, увѣряла С. А., „я старуха, мнѣ ничего не надо. Я стараюсь для будущаго, для потомства, можетъ быть, меня засадятъ за это изданіе, но это меня не смущаетъ. Меня утѣшаетъ мысль, что это будетъ первое академическое изданіе“.

Софія Андреевна была въ этотъ вечеръ въ странномъ экспансивномъ настроеніи, часто раздражалась. Напримѣръ, когда ей попался одинъ изъ фотографическихъ снимковъ Льва Николаевича, работы Черткова, она бросила его съ досадой на столъ, сказавъ: „не люблю его фотографій, у него Левъ Николаевичъ имѣетъ всегда какое-то чувственное выраженіе“.

Левъ Николаевичъ началъ спрашивать бывшаго тутъ же Перпера о его вегетаріанскомъ журналѣ и вообще объ успѣхахъ вегетаріанскаго дѣла, которое поразительно быстро разрасталось въ Кіевѣ (тамъ уже тогда существовало 8 столовыхъ и изъ нихъ самая крупная столовая Кіевского вегетаріанскаго общества, отпускавшая около 600 обѣдовъ въ день, главнымъ образомъ для учащейся молодежи), и бесѣда незамѣтно утвердилась на этой темѣ. І. О. Перперъ завелъ рѣчь о вегетаріанской пропагандѣ за границей, ссылаясь на знаменитую стачку вѣнскихъ потребителей мяса, вызванную страшнымъ вздорожаніемъ цѣнъ на послѣднее.

Незамѣтно разговоры перебрасывались съ одной темы на другую. Было необыкновенно хорошо сидѣть подлѣ Льва Николаевича, смотрѣть на его ласковое, доброе, просвѣтленное лицо, слушать его тихую проникновенную рѣчь. Такой глубокой любовью дышали его слова, такъ мудро и глубоко было ихъ содержаніе, такъ велико было его обаяніе, что намъ, присутствовавшимъ, не хотѣлось разставаться съ нимъ. Три часа промелькнули, какъ нѣсколько минутъ, и намъ пора уже было отправиться на поѣздъ.

Л. Н. трогательно попрощался съ нами. Въ лицѣ его было какое-то особенное просвѣтленіе, вообще, что-то особенное, чего я никогда раньше не замѣчалъ и что трудно

поддается описанію. Увы, это было послѣднее пожатіе руки.

Глядя на дорогого всѣмъ старца, для котораго пріѣзжаютъ сюда за нѣскольکو тысячъ верстъ, чтобы поглядѣть на него, послушать, посмотрѣть окружающихъ его и преданныхъ ему друзей, почитать необыкновенно интересныя, стекающіяся къ нему со всего міра письма и копіи съ его писемъ, у каждаго изъ насъ, при прощаніи съ нимъ, невольно мелькала мысль, что, можетъ быть, это послѣдняя встрѣча, но въ то же время не терялась надежда, что великій старецъ еще поживетъ, напишетъ, порадуетъ, подкрѣпитъ челоуѣчество. Такова была вѣра въ его крѣпкую, могучую натуру. Но чувствовалось, что въ Ясной Полянѣ атмосфера сгустилась, что жить въ ней старику становится съ каждыиъ днемъ тяжелѣе, невыносимѣе. Страшно жутко и больно становилось за него; лишь непоколебимо вѣрилось въ его великій духъ, неисчерпаемую кротость и любовьность. Но какъ мы безконечно далеки были отъ мысли, глядя на этого полного духовныхъ силъ старца, такъ бодро глядѣвшаго на насъ, что черезъ три недѣли онъ уснетъ навѣки въ какой-то невѣдомой глухой станціи, закончитъ свой земной путь такимъ великимъ трагическимъ актомъ.

Сѣли мы въ поѣздъ до того переполненный, что нельзя было дышать въ вагонѣ отъ пота людского, запаха овчинъ, смазныхъ сапогъ и махорки. Въ такой именно вагонъ черезъ двѣ недѣли попалъ Левъ Николаевичъ и простудился, стоя на открытой площадкѣ.
